

Шешкаускас Максим

МІСЛИ
МОЄЇ
ГОЛОВІ

ХОХОТ
ІДЕМІУРІА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Шешкаускас

Хохот Демиурга.

Мысли в моей голове

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63445427

SelfPub; 2020

Аннотация

Представь, что ты художник, живешь себе на чердаке в Старой Риге, пишешь портреты. А потом раз! Острием по горлу. Но ты не умираешь, а оказываешься в городе, созданном силой мысли убийцы. А убийца не только отобрал у тебя всё, что ты любил при жизни, но и имеет полную власть над тобой после смерти. Растеряешься? Разозлишься? Вот и герой решает во что бы то ни стало выбраться и отомстить. Привет. За первую книгу издательство заплатило мне что-то около 12 тысяч рублей. Следующая принесла не сильно больше. Принимая, что ремеслом писателя не заработать – эту выкладываю за донаты. Верю, что кому-то будут созвучны мои мысли, и описанная история вызовет отклик в душе. А это для писателя важнее, чем любые гонорары. Каждому прочитавшему буду благодарен за отзыв. Содержит нецензурную брань.

Содержание

I. Вначале было...	4
1. Еще одна мысль	4
2. Его исповедь	64
3. Ее исповедь	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Максим Шешкаускас

Хохот Демиурга.

Мысли в моей голове

I. Вначале было...

1. Еще одна мысль

Узнал меня? Тише-тише... Теперь ты видишь тоже, что вижу я. Слушай внимательно – позже, когда ты успокоишься и примешь, я дам тебе слово, пока вникай. Оставь панику, отнесись философски. Как к переезду... Представь, что ты навсегда бросил старое, оставил всех, кого знал и переехал в другую страну – ты же мечтал о переменах? Я не шучу – произошедшее с тобой похоже на переезд – увидишь, тут, внутри меня, целый город – я в него душу вложил, в каждый камень любой из улочек. А какая экология! Еще из плюсов: ты больше никогда не заболеешь, не будешь нуждаться, переживать о завтрашнем дне – сможешь навсегда остаться прежним, как и хотел когда-то... И не думай, что ты умер – нет, даже не надейся. Ты, возможно, уйдешь одновременно со мной, а я намерен прожить долгую жизнь. Впрочем, мне-

то как раз надо трудиться. А ты, наконец, полностью свободен от быта и можешь писать! Я даже тебе завидую – как иронично, не правда ли? Ты вскоре поймешь почему – советую на досуге поговорить с Янушем – именно во Внутренней Риге он достиг таких глубин, что даже мне теперь далеко до его понимания...

А если тебе вдруг будет чего-то не хватать, или захочется остренького – не стесняйся, спрашивай, постараюсь помочь. Ты, главное, не отчаивайся и не истери. Только не расценивай как угрозу, но, в крайнем случае, я найдусь, как обуздать. И, ой, как тебе это может не понравиться. Представь свой самый страшный кошмар, воплотившийся наяву и длящийся вечно? Но все-все, молчу, уверен, до этого мы не дойдем, ты ведь вполне рассудительный?

Так, кажется, ты еще не совсем понял, что произошло? Ага, последнее, что ты помнишь до прибытия во Внутреннюю Ригу – это как ты открываешь мольберт. Самое страшное твое сознание отказалось принять и внесло корректировки в память. Но ничего, сейчас я тебе помогу, расскажу, как все было.

Сразу к главному – три дня назад я перерезал тебе глотку. Насладился твоими воспоминаниями, пикантным поделился с горожанами, и вот решил ввести тебя в курс дел. А чтобы объяснить, зачем зарезал и где ты теперь, мне придется рассказать с самого начала. Да заткнись ты! Вот так – побудь-ка на время сплошным слухом, и не бойся – после я верну тебя

в твоё привычное состояние. А пока сосредоточься на рассказе – он поможет не сойти с ума прямо сейчас:

Жили-были два брата: Андрюша да Никитка. И хоть Андрюша до сих пор утверждает, что родители относились к ним одинаково, старшенький будто бы был нежеланным ребёнком, а появившегося на год позже брата обласкали любовью. Отец ребятишек беспричинно нахваливал младшего, старшего же принимал... даже не знаю, как пасынка разлюбленной жены.... Посуди сам, вот пример стандартного отцовского поведения: подлиза Андрюша, привыкший к похвале до степени, когда без нее уже неудобно, чтобы угодить, затевает уборку. Уж не знаю, возможно замечтавшись как отец в награду треплет его по головке и приводит мне в пример, от рождения неловкий мальчик роняет со стола старинные карманные часы – семейную реликвию, передающуюся от отца старшему сыну. Экран разлетается брызгами, Андрюша бледнеет, бледнею и я: во-первых, зная о традиции, уже в то время считая себя собственником реликвии, во-вторых, со страхом прикидывая, сколько младший брат не сможет сесть на заднее место: окажись на Андрюшином месте я, от отца пощады не было бы. Понимая это, советую брату на время сбежать из дома, я буду приносить ему пищу и сообщу, когда отец подостынет – дети, что с нас взять. Но весь из себя та-

кой правильный братик решает встретить угрозу лицом. Герой! Если бы не его этот жалостливый, тысячу раз отрепетированный взгляд, которому отец не в силах противостоять.

И вот отец возвращается с работы – Андрюша сама невинность, мученик, Христос-спаситель, идущий на распятие, и отец тает. Рука треплет головку: ничего-ничего, бывает... Как же мне хотелось зарядить младшему брату по физиономии – за фальшивый артистизм, который у меня вызывал отвращение и непонимание, как этим можно подкупить отца.

Но и я искал похвалы – хотя бы раз отец взглянул на меня так, и потрепал по голове так, как смотрел и трепал Андрюшу.

Поэтому на следующий день Никитка тоже вылизывает квартиру, кряхтя от усердия и фантазий про отцовскую улыбку. Но, увы, пришедший после работы папа просто окидывает убранный квартиру и наивно держащего метлу мальчика взглядом. Все повторяется и на второй, и на третий день. Никитка бросает попытки и тут же получает взбучку за беспорядок. Понимаешь? Мальчик превращается в уборщика.

И так во всем, если в школе Никитку хвалят за высокую успеваемость, дома он за это получает нагоняй, так как эгоист и не подтягивает брата. Или Никитке родители говорят, что хоть он и капитан хоккейной команды – на сборы в летний лагерь в Болгарии его отправить не могут, так как пока у нас не лучшие времена, несмотря на то, что отец очень много

работает и делает все, что может. И после этого лицемерия папа с Андрюшей уезжают к морю, ведь мальчику полезен морской воздух и солнце.

И даже праздник рождения мальчишек, которое состоялось с разницей ровно в один год и один день, отмечали да той, в которую был рожден Андрюша, мол, лучше один большой общий праздник, чем два частных маленьких. Ты не подумай, что жалуясь, но они стерли день моего появления на свет, возможно, с этого и началось размытие личности.

Несмотря на все это, Никитка относился к Андрюше как к своего рода божеству – с нежностью, трепетом, любовью, как к чему-то святому и неприкасаемому – ведь эту модель ему передали родители. Но и зависть копилась в потаенных уголках души, чтобы однажды переполнить и взорваться одним коротким, но роковым мигом всепоглощающей ненависти.

Андрюша много болел. И чем дальше, тем больше. Возможно, в этом и усматривается родительское отношение к младшенькому. Но легко ли понять такое ребенку?

Да, Андрюша много болел.

Начало конца обозначилось внезапно и в до приторности солнечный, погожий летний день. Братья стояли друг напротив друга с имитирующими ружья палками и старший, смеясь, учил младшего чеканить автоматную очередь: ТРРРР-РЫ. Младший сопел, краснел, виновато улыбался, но никак не улавливал правильную позицию языка, и чем усерднее старался, тем смешнее у него выходило: ТфЫЫЫЫ. Детские

дефекты речи. А потом глаза мальчика округлились, просигналили мольбой и закатились. Андрюша рухнул, его губы потемнели от пыли. Он лишился сознания, будто оставленная кукловодом марионетка. Никитка не знал, что делать, отчаянно звал на помощь и тормошил младшего.

Андрюша в тот раз еще быстро очнется, но лишаться сознания будет все чаще и чаще. Это, еще потеря аппетита, вечная тошнота, апатия, потеря координации... Диагноз – опухоль головного мозга. Можно попробовать оперировать, но врачи ничего обещать не могут.

Так мы с братом повзрослели: Андрюша в свои одиннадцать поняв, что его жизнь держится на волоске, Никитка в свои двенадцать – что в любой момент может потерять самого близкого друга, брата, человека, свое божество. Взрослые избегали разговоров о смерти, но дети втихаря помногу обсуждали, что же Андрюша встретит там. Что этого там может не существовать, детский разум допустить не мог. Братья, держась друг за друга вспотевшими от волнения ладошками, со слезами на глазах условились, что Андрюша обязательно даст знак...

Я действительно повзрослел за короткий срок. Не было больше никакой радости, были бессонные ночи и желание угодить, хоть как-то помочь угасающему брату. Прочь обиды – не было их во мне – клянусь. Даже участвовавшие упреки и периодические побои от отца я воспринимал не просто чем-то должным, а наградой – пускай, зато папе легче.

Стиснувший зубы и никогда не вытирающий слезы громомвод – горя в семье достаточно, ни к чему еще и мои красные глаза – их высушит ветер. И не было кого-то, в кого можно было бы уткнуться и выплакаться – не до меня сейчас, я прекрасно понимаю.

После операции семья в палате. Об успешности судить еще рано. Боимся дышать, не потрескался бы выкристаллизованный от напряжения воздух. Андрюша лежит, голова перемотана, на лице страх и мука. Даже отец не решается заговорить, спросить о самочувствии. Нет, надо что-то предпринять – и план у меня заготовлен заранее.

Была в моем классе девочка Лидочка – девочка как девочка, зубрилка с первой парты. Классическая шестиклассница отличница – даже не знаю, как описать. И конечно же Андрюша выбрал ее для первых воздыханий. Как это и бывает, сох по ней, даже не думая предпринять попытку, думаю, просто наслаждался новым чувством. Конечно, я о его любви знал и часто брата подкалывал. Знала и Лидочка, но она-то вида не подавала. Обычная история.

Я обожал приключенческие романы и верил, любовь может творить чудеса. Решившись, однажды я выждал, когда Лидочка будет одна. Я ей рассказал, почему брат больше не посещает школу и уговорил на одно с ним свидание – это было несложно – девочки-отличницы запрограммированы на сострадание.

И вот, в палате, я подхожу к Андрюше, наклоняюсь к са-

мому уху и сквозь бинт шепчу, что как только он оклемается и его выпишут, его ждет заветное randevu...

Меня парализует от страха – лицо Андрюши на миг меняется, и на меня смотрит не ребенок, а старик, что-то искажает черты до неузнаваемости. В его глазах коктейль из физической боли и какой-то другой природы страха смешивается и вспыхивает гневом. Андрюша брезгливо смотрит сквозь меня на отца и говорит полуоткрытым в презрении ртом:

– Убери от меня... этого.

ЭТОГО. Убрать от него! Значит, ни черта он не оценил, значит, я для него этот, которого уведут по щелчку. Смотрю в его глаза, как в отражение своих, зеркалю ненависть. Не понимая, что творю – с силой толкаю пытавшегося оторваться от подушки брата. С ужасом понимаю, что он бьется затылком о стену. Бинт покрывается алым, отец хватает меня за локоть и вырывает из палаты – оставляет одного в коридоре и зовет врача.

Стою онемевшим вечность. Вокруг мелькают люди, события, но голова пуста тяжелой больничной белизной. Вновь во времени – ощущаю тяжелые руки отца у себя на плечах – его лицо перед моим. Черная щетина, впавшие скулы, синяки и красные глаза.

– Это ты его убил, ты – понял? – говорит он сквозь зубы и плач, – будь ты проклят! Я тебя проклинаяю. Это ты убил, понял! Мой Андрюша...

В этих словах растворяется вечер и остатки детской на-

дежды на чудо. Значит, Андрюши не стало. Значит, я не смог помочь, а только навредил. Я убил, но как? Нет, это я виноват – отец не может ошибаться. Я беспомощный убийца – мне надо тоже умереть – прямо сейчас на улицу и под машину. Иду, покачиваясь, непослушные губы дрожат, шмыгаю носом, злюсь, но не могу сдержаться: с воем больничный коридор размывает слезами. Я навсегда остался один с ненавидящим меня миром, даже отец по заслугам проклял меня. Подслушавшая и сжалившаяся над ребенком медсестра обнимает одинокого, покинутого всеми ребенка и шепчет, что мой отец не хотел говорить то, что сказал, и я конечно же ни в чем ни виноват – сквозь рев хочу вырваться из объятий – ударить, укусить, но она сжимает крепче и я смачиваю ее халат своим горем...

Вот мы и подобрались к тому, зачем я рассказываю про эти сантименты. Не переживай, мне не нужно твое сострадание, просто считаю важной вехой отцовское проклятие. Да, будь я проклят...

Для Андрюши время перестало существовать, для Никитки оно превратилось в мучительную пытку – много дней он покрывал подушку слезами, спасительно забываясь только во сне. Пока однажды не почувствовал присутствие. Да, присутствие – Никитка физически стал ощущать брата где-то рядом, только никак не мог понять, где. Теперь каждая се-

кунда бодрствования превратилась в труд – лежа и глядя в потолок Никитка пытался уловить, настроить себя, как радиоприемник, на нужную волну. И вот это произошло.

Попробуй представь место в сознании, как оно выглядит, где не водятся мысли – ни одной, ни единого образа. И вот из этого места я отчетливо различил клич младшего брата, но как туда пробраться живому, как? Сначала мне удалось вообразить свет. И в сиянии этого света я различил своего брата. Не было никакого умиления, радости встречи – был страх – призрак в моей голове! Я с ужасом захлопнул картинку и бледный отстучал зубами отцу – призрак! призрак! Андрюша пришел за мной! Отцовская затрещина наполнила рот кровью и навсегда выбила желание делиться пережитым с кем-либо – это дело только мое и Андрюши во мне. Решившись, я погрузился глубже – и вот мы стоим друг подле друга – под ногами ощущаю почву.

– Привет.

И он отвечает:

– Привет.

Андрюша так же, как ты сейчас, не помнил, что мертв. Я все ему рассказал, и он отнесся спокойно. Даже очень спокойно для ребенка своего возраста. Не так отчаянно, как ты...

И началась возможно лучшая пора жизни. Иронично, конечно, что лучшая пора жизни Андрюши пришлась на его смерть, но именно так все и было. Мы начали творить, обу-

страивать уголок моего сознания, оказавшийся приютом для мертвого брата. Появилась земля, вода, трава, асфальт, первые неестественные домики, которые обрисовывал Андрюша, и я их для него создавал – очень, конечно, мультяшные и нестройные – гораздо позже архитектура стала моим хобби и детализация стала на уровне, сейчас, например, во мне почти точная копия Старой Риги.

Так вот, я создавал для Андрюши все, о чем бы он только не помечтал. Мы населили мир даже птицами и говорящим рыжим котенком Васей, который сейчас отъелся в громадного кота, он весьма любопытен и своеобразен, думаю, ты с ним еще повстречаешься.

Андрюша стал жаловаться, что ему трудно при свете уснуть, и я заменил постоянный яркий свет на свет солнечный, а солнце заходило за горизонт и его подменяла луна, звезды... Понимаешь? Я создал для брата светила. День и ночь, а значит – время. Если Андрюша для меня был божеством при жизни, то я стал его Богом после смерти.

Как-то мы с Андрюшей ели мороженое (в реальном мире в тот период я почти ничего не ел, да и не вставал с кровати – никто бы не мог подумать, что я пребываю в счастье), и брат рассказывал о вкусе мороженого, которое он ел в Болгарии. Я задумался и понял, что мне знаком тот вкус. Решив проверить, попросил рассказывать о местах, впечатлениях, встречах, которые проходили без меня и да – я действительно обладал всем тем внутренним, чем обладал Андрюша. Оказа-

лось, я вижу его насквозь – то есть видел всю его жизнь. Но то, что было у него в голове после смерти, для меня оказалось недоступным. Это открытие и приведет к тому, почему ты здесь.

Пока существует реальный мир, существует и несущее перемены время. И ход времени невозможно остановить. Я встал с кровати, меня вновь отправили в школу, потом родители переехали и меня перевели в другую. Новый хоккейный клуб, новые друзья, увлечения. На Андрюшу времени оставалось все меньше. Представь ребенка, пребывающего больше года практически в полном одиночестве, единственный человек, которого он видел, был я.

Андрюша затосковал. Стал раздражительным, нервным, даже агрессивным. Когда он понял, что выбраться невозможно, он начал во всем винить меня – часто скатывался в истерику и требовал вернуть ему жизнь, родителей. Как будто я мог что-то сделать. Я и хотел ему помочь, и одновременно начал избегать с ним встречи. Тогда же я изобрел способ транслировать то, что происходит в реальности. До ныне существующего Храма Утех было еще далеко – в то время это был с виду обычный телевизор, в котором Андрюша видел мой текущий день. Он днями залипал у экрана, это позволяло забыться, и, в то же время, побуждало ненавидеть меня все больше – ведь у меня-то есть настоящая жизнь...

Я много раз пытался создать Андрюше родителей и насто-

ящих друзей, скопировать всех тех, с кем проводил время: тщетно, фигуры возникали и рассыпались прахом – жутковатое зрелище.

В конце концов, у нас с братом дошло до прямого конфликта, мне надоели его вечные претензии, он заявил, что я тоже его в конец достал. Будучи в переходном возрасте, я не мог и не хотел понять брата, психанул и надолго оставил его одного...

Прошло года два с переезда Андрюши в мою голову. У меня была полноценная подростковая жизнь, у Андрюши только ее эфир с телеэкрана. Я записался в туристический клуб, Андрюша начал смотреть кустарную версию канала Дискавери.

Основателем, руководителем и единственным инструктором тур-клуба “Сократ” был мой учитель литературы – Павел Иванович – молодой выпускник педвуза, дисциплинированный и строгий, но позволяющий ученикам называть его Павлом – без всякого отчества. Обладая невероятной харизмой, он стал даже авторитетнее тренера по хоккею, а тот был почти идеалом взрослого человека для меня, обделенного отцовским теплом. Павел водил нас в походы, или просто собирал в подвальном помещении клуба и часами делился философией, вычерпанной из учений Сократа. Часто мы по очереди читали диалоги, записанные Платоном, делились понятым, обращались к Павлу за толкованием того или иного момента. Например, как это никто не делает зла по своей

воле...

Андрюша Павла обожал, он даже превозмог себя и обратился ко мне с просьбой проводить больше времени подле этого человека, на что я, не без удовольствия, согласился.

Павел много рассказывал, показывал, обучал – я жадно вникал. Любовь часто возникает, когда один готов слушать другого, когда же один слушает другого с благоговением, обоюдной любви не избежать – вскоре я стал любимчиком своего учителя, он с радостью делился со мной багажом знаний и оказывал различные знаки внимания. Так случилось и в тот, поворотный для всех нас – включая тебя, день. Будучи отважным человеком, Павел принял решение действовать, и это решение во второй раз вывернуло наизнанку мой мир...

Наступили весенние каникулы, только-только сошел лед, реки разлились – идеальное время для сплава по Амате – самой быстроводной латвийской реке, имеющей второй уровень сложности проходимости, что нам, подросткам, ничего, кроме того, что это выше первого, не говорило.

От Риги до поселка Аматы, у которого мы должны спуститься на воду, ехать чуть больше часа. По договоренности, Павел с самого утра, опережая рассвет, на арендованном микроавтобусе собирает нас по домашним адресам, и мы отправляемся в путь. Конечно же, ко мне он должен приехать к первому, значит, мне и достанется почетное место рядом с водительским.

Дожидался Павла я уже на улице, на холоде сонно при-

танцующая вокруг огромного рюкзака. Ровно в назначенный срок появился заветный автомобиль. Спустя неполную минуту, потраченную на погрузку, мы уже были в пути. Павел был какой-то напряженный и чрезмерно сконцентрированный, не понимая причины, я пытался его развеселить забавной историей, случившейся со мной во время вчерашнего матча, но Павел смотрел на дорогу и будто бы совсем меня не замечал. «В точь как отец» – мне подумалось и задело. Наконец, добрались до второго адреса, Мишка – мой одноклассник, как всегда, опаздывал.

– Спит еще. – Говорю, скрывая в раздражение на одноклассника подлинную суть недовольства.

Павел жадно смотрит на меня ошалелыми глазами, похоже не спал всю ночь. Лицо покраснелось – он чем-то взбужден:

– Нам надо будет поговорить, – в голосе решимость и облегчение, говорит быстрее обычного, будто слова продралась через преграду и теперь несутся по инерции. – Что ты испытываешь ко мне? Не говори сейчас – я знаю, ведь и у меня те же чувства. Я понял и все тебе объясню. К чертям предрассудки! Но позже. Напомни... сам вспомню! Когда будем одни.

Мишка, споткнувшись, практически вывалился из подъезда и побежал к нам. Павел тут же вышел из салона ему на встречу, оставив меня в задумчивости через стекло наблюдать за нервными движениями учителя. Хотелось погрузить-

ся в себя и обсудить с братом, что же только что случилось – но мы уже достаточно долго не разговаривали...

В дороге, предвкушая приключение, подростки весело галдели, молчали только я и Павел. Мне одновременно хотелось и избежать, и приблизить таинственный разговор.

Оставив микроавтобус, оперативно выгрузились, переоделись, накачали воздухом рафт, заняли указанные Павлом позиции. Стало не до разговоров. Только короткие команды и указания предводителя. Вода поднялась рекордно высоко и со слов встречающихся то тут, то там бывалых водников, была быстрее обычного.

Целью путешествия было добраться до утеса Звартес, со слов Павла, неопишуемого места, которое хоть раз в жизни нужно увидеть. Но первым заныл Мишка, стуча зубами от холода, заявил, что у него немеют ноги. Мы уже несколько раз останавливались вычерпать воду или перенести рафт по берегу в обход опасного по мнению Павла участка, и тут мимо нас проплыло перевернутое каноэ. Павлу удалось зацепить его веслом, притянуть к рафту. Мы вновь пришвартовались к берегу отставить плавучее средство дожидаться хозяина.

– Надо закругляться. – Обдумав, доверил Павел мне свое решение.

– Может, еще немного?

Он посмотрел на меня, и, я понял, захотел угодить.

– Дойдем до ГЭС, тут уже недалеко, – кивнул он, – но

оттуда назад по берегу.

И мы вновь опустили рафт на бурюю, холодную, бурлящую воду.

Прошли совсем немного и услышали клич с берега: “На-коша эглэ нау брауцама!” Пока мы осматривались, Павел сразу все понял и вновь дал команду причаливать. Водный путь преграждала упавшая громадная ель, переломанная пополам. Мне показалось, что в месте излома пройти можно, но перечить капитану нельзя.

Привал. Команда греться у костра и возвращаться по берегу. Пока остальные собирают сухие дрова, с Павлом орудуем временный лагерь – остаемся одни, и я смотрю на него выжидающе – экстрим сплава объединяет и больше нет ощущения подвоха. Павел понимает, чего я жду, и говорит в этот раз по-капитански спокойно:

– А ты сам еще не понял? – и читая в глазах удивление продолжает, – я люблю тебя, и любовью большей, чем просто к ученику. И я знаю, ты тоже меня любишь – не морщась, отбрось предрассудки и пойми – это нормально. Взять древнюю Грецию – тогда даже государством поощрялась любовная связь ученика с учителем. Это правильно, любить то, что сильнее от природы и наделено большим умом...

Видя мой страх, Павел пытается успокоить:

– Я просто хочу учить тебя, делать подарки, ласкать и доставлять удовольствие. Ничего плохого! Пойми же ты. Я просто хочу тебя любить. – На этих словах его рука касается

моей.

– Не трогай меня, животное! – одергиваю руку и замахиваюсь.

Шок. Закрываю глаза и врываюсь к брату. Посмотри, каким оказался твой Павел! Но Андрюша сидит перед телевизором хладнокровно спокойным. Бешусь – захлопываю внутренний мир, возвращаюсь обратно в реальный, думаю ударить, но вижу, что Павел этого ждет.

– Тронешь меня еще раз – убью! – отхожу к краю лагеря. Сдерживаю порыв убежать – ведь я-то как раз сильный мужчина, пускай скрывается он. Стиснув зубы стою спиной к лагерю, пока не возвращается команда.

И молчание вокруг огня и галдежа одноклубников. Обедаем, но кусок в горло не лезет. Павел дает команду собираться, но какой он мне командир!

Позади волоку ноги, это все Андрюша виноват, кто же еще. А я то! А Павел каков! Конечно, слабак он и баба, это сразу было видно. И даже при сплаве он сдался и не довел команду до конца. Но я ведь не такой, как он. Я мужчина, который ведет себя так, как подобает мужчине – не плачет, когда больно, терпит, идет вперед. Я опора. Я капитан хоккейной команды, как никак. Я не включаю заднюю – только вперед!

Каное – то самое, что мы вынесли на берег. Молча беру у Мишки весло.

Я-то дойду. Если есть неопишное место, которое хоть

раз в жизни стоит увидеть, я увижу его сейчас же.

Погрузившиеся в ледяную воду пальцы сводит судорогой, но ничего – сейчас пройдет. Сильнее гребу от берега – Павел кричит, но после признания я его не слышу – он для меня никто. Помню, что ель можно пройти в месте излома, но почему-то оказывается, что одному каноэ сложнее лавировать, чем командой управлять рафтом. Опрокидываюсь в воду, грудную клетку и горло мгновенно сковывает спазмом. Но, раз ты сейчас меня слушаешь, понимаешь же, что это далеко не конец?

На поверхность воды поднимает Павел, одной рукой держит меня, второй держится за упавшее в воду дерево. Лица вплотную. Волна омерзения скрючивает больше, чем холодная вода – изворачиваюсь и головой бью в лицо, затем отталкиваю этого педика. Он исчезает под водой где-то под деревом. На место поспевают водники-спортсмены... В отличие от меня, Павла уже не спасли. Его и нашли-то только под вечер. Что я испытывал? Конечно же муки совести, ведь никто не делает зла по своей воле. И о признании Павла я никому ничего не сказал. Я еще глубже замкнулся в себе, возможно именно этим расширив внутренний мир...

А теперь опять перейдем к мистической части рассказа.

Павел появился не сразу. Так же, как и вы все, он пришел на третий день.

Я только-только начал приходить в себя после случивше-

гося, ну как приходиться – просто в тот день меня разбудил отец и сказал, что нечего отлеживаться, ведь я живой, значит, пора в школу. И вот, еле перебирая ногами, я тащусь под холодным морозящим дождем. И, представь, ранняя весна, мрачное утро, грязь и талый снег, по тротуару идет одинокий ребенок, внутри у которого еще хуже, чем вокруг. И вдруг этот ребенок слышит отчаянный крик своего давно мертвого брата внутри. Представил? Каково быть этим ребенком, а? Но что-то я не о том, не нужно мне твое сочувствие...

Крик Андрюши был настолько тревожным, что я отошел незамедлительно, для прохожих застыв под дождем. Внутри у меня вечное лето, так что неудобств я не испытывал, только потом заболел, но это было потом.

Мизансцена была будто поставлена режиссером, выражения у обоих были вполне говорящие: Андрюша стоял напротив Павла, оба смотрели друг на друга с испугом – Павел с диким, Андрюша со смешанным с любопытством и радостью, предвкушая конец своего одиночества. Я даже почувствовал себя третьим лишним, смотря на них растерянно и пугаясь, что сейчас придется включаться в разговор с покойниками.

Что это? Как это? Павлу требовались объяснения. После того, как он вымерил шагами не один десяток кругов, общипал себе все руки, вырвал клочок волос и сильно избил кулаками грудь, он поставил нас с Андрюшей рядом плечом к плечу, встал напротив и потребовал спокойного, несбивчивого

пересказа. Мы, подчиняясь авторитету взрослого, дополняя друг друга, на некоторые моменты отвечая дополнительно, рассказали историю с самого начала – можно сказать, Павел-то и завел традицию вводить в полный курс дела каждого пришедшего – так вам легче свыкнуться.

«Ты здесь уже больше двух лет? Как такое возможно? Отсюда должен быть выход! Так, начинаем исследовать территорию». – Не в характере Павла было подчиняться обстоятельствам. Он начал предпринимать попытки, по привычке легко переняв командование в свои руки.

Мы работали в течении месяца, изучая мой внутренний мир, в котором, по необъяснимым обстоятельствам были заперты двое мертвецов. Павел все пытался найти границу, но получалось, что мои просторы безграничны. Павел требовал от меня, и чем дальше, тем настойчивее, изменять ландшафт, пытаться рассечь воздух, воплотить безумный лифт, уходящий до бесконечности в небо и в недра земли. Пытался действовать он и в реальном мире – я в библиотеках искал какие-то колдовские заклинания, часами простаивал у могилы инструктора.

Тщетно. Выхода нет. И чем больше это понимал мой учитель, тем большее отчаяние им овладевало. Надо сказать, что и Андрюша становился совсем подавленным, но, если Павел выпускал раздражение вовне, Андрюша становился все более замкнутым.

Павел начал сходить с ума. Однажды он потребовал ку-

валду, которой пытался вручную уничтожить воздвигнутые моей мыслью стены зданий. Андрюша наблюдал за ним в тоскливой задумчивости, я с некоторой злостью, но не вмешиваясь.

А потом, когда, свернувшись калачиком, полностью поломанный взрослый утопленник рыдал как ребенок, я подумал, что же твориться у него в голове. И увидел. Увидел все, что было, и о чем он думал до.

Пока я не побывал в твоей голове скажи, что для тебя олицетворение брезгливой мерзости? Ну, не молчи. Ай, да, забыл-забыл...

Для меня это компостная яма. Совсем в далеком детстве, когда был жив еще не только Андрюша, но и наша бабушка, лето проводили у нее. Жила она в поселке городского типа сразу за чертой города. И был у нее огород – те самые типовые шесть соток. Смородина, крыжовник, клубника – ну, знаешь, витамины прямиком с грядки. И чтобы удобрять это хозяйство, была у нее компостная яма – вкопанный в землю громадный деревянный ящик с объедками, сорняками, навозом... содержимое с любопытством и заткнутыми носами под дождем изучали два брата. Старший ковырял палкой и комментировал очередную находку, младший решил пошутить и напугать, но не рассчитал и толкнул слишком сильно – я по пояс оказался в отходах – выбравшись и увидев растекающуюся по ногам коричневатую жижу, прилипшие к коже листья и отвратительные отходы чьей-то жизнедеятельности,

сперва меня вырвало, а потом я потерял голову и обезумев, исколотил брата. Досталось же мне потом от отца...

Ну вот, оказавшись в голове у Павла, я словно с головой погрузился в ту компостную яму из детства.

У всех нас есть стержень. Стержень, жизненная линия – то, что образует характер человека, формирует его личность. Все поступки, желания, мысли Павла – все, что делало его им, тоже было нанизано на стержень, и этим стержнем была любовь к детям. Как ты уже, думаю, догадался, весьма неправильная любовь.

Первое, что я увидел, два подростка приблизительно того же возраста, в котором был я, когда Андрюше оставался последний год жизни. Один из этих двух – Павел, он чуть постарше, он проявляет инициативу. Оба на грани полового созревания, но об этом не догадываются, ими движет любопытство разобраться в новоприобретаемых ощущениях. Ими движет желание разобраться с загадкой своего тела. Они в радостном предвкушении, они открыли какую-то новую, запрещенную, но интересную игру. Они еще не знают, что такое сексуальное удовольствие, слов таких даже не знают, находящиеся на последних рубежах невинности, любопытные дети. Они запираются в комнате. Они изучают друг друга, прикосновения отзываются неопознанной приятностью. Они в жару, они возбуждены от волнения, их стыд мешается с запретной сладостью, образуя ядовитый коктейль. Они неуклюжи друг с другом и безгранично нежны. Они по-

нятия не имеют, как далеко можно зайти, а интуиция об этом молчит, она шепчет о другом, как можно попробовать еще, что, вот если губами...

Эти игры продолжались недолго, очень быстро мальчишки понимают, что занимались чем-то постыдным и порицаемым. Они начинают стесняться друг друга, избегать и, в конце концов, обрывают общение полностью. И дальше, вплоть до совершеннолетия, у Павла идет обычная, как у всех парней, жизнь – будто бы настоящие друзья, якобы ненавидимые враги, рассыпающаяся через месяц первая “настоящая” любовь.

Но все это время за Павлом тянется шлейф запретного, но приятно-жгучего воспоминания. На мир он уже смотрит через сотканный в тот день полупрозрачный флер. Павел всеми силами пытался забыть, изгнать из себя засевшего демона, но чем сильнее он старается не вспоминать, тем меньше у него это выходит. Не думай о белых обезьянах, дружок.

С девушками у Павла ничего не выходило, и он засел за учебу. Учеба и самодисциплина – с этим он прожил свою жизнь. Усмирять плоть физическими нагрузками, заполнять голову новыми знаниями, чтобы не было времени на постыдное.

Глубоко подсознательно Павла тянет к детям, и он поступает в педвуз. Там он открывает для себя Сократа, между прочим мудрым, узнает, что среди древних афинян не считалось чем-то постыдным связь между мужчинами, и даже

половые отношения между мужчиной и мальчиком. Впервые Павел принимает себя немного больше. Он просто родился не в то время. Но ведь гомосексуалисты относительно спокойно принимаются и в двадцатом веке, главное признать, а на это у Павла хватит воли.

Как раз тогда к нему на курс переводится парень из другого потока. Смуглокожий, тоненький, в забавных очках. Купидон, развед руками, с тяжелым вздохом натягивает тетиву. У Павла возникает первый и единственный настоящий гомосексуальный роман в его жизни. И Павел, и второй студент уже достаточно взрослые – они знают, что такое секс, они принимают себя и друг друга такими, какими они являются. Казалось бы, хеппи энд. Но нет.

Волосы. Можешь себе представить, что преградой вероятному счастью оказались волосы? Павла вдруг стало раздражать, что тело его партнера покрыто волосами. Он ничего с собой не мог поделать – интимная близость с любовником стала Павлу противить. Он вдруг начал испытывать какое-то омерзение, даже с презрением в мыслях называть себя и своего спутника педерастами. И не было больше в половом акте любви, было желание доминировать и наказывать за порок. Начало происходить что-то странное, и Павел это понимал. Чувствовал это и его чуткий любовник: “Что-то произошло?” Павел признался, он все рассказал, объяснил свой нездоровый фетиш, осмелел и попросил об эпиляции, наивно надеясь, что с волосами исчезнут и его проблемы.

Павел был любим, его не хотели терять. Поэтому его желание было исполнено вполне, даже более. Однажды Павла ожидал сюрприз.

Как-то раз, вернувшись от родителей, Павел дома застал своего молодого человека в женском платье, в чулках. Его спутник похотливо улыбался ярко накрашенными губами. Это был провал. Павел лишь горько расхохотался от этой жалкой имитации женщины. Не этого было Павлу нужно. Его когда-то любимый хочет, но не сможет угодить, они с разных планет, они видят вещи по-разному, Павел просто не такой, прости. Отношениям следует оборваться. Двое волевых мужчин сумели разойтись без особых истерик...

Но в тот день Павел познал себя немного глубже, он смог в себе разобраться – значит, не любви мужчины, а юноши он ищет. Но это совсем ненормально, не здорово, да он просто больной! Нет ему места на этой земле.

Павел наглотался таблеток, но был спасен бывшим любовником, который, напившись пива, случайно забрел навестить (авось). Откачали, скандал от узнавших про любовную связь родителей. Попытка историю замолчать – это ведь гибель карьеры, откуп бывшему любовнику, который вдруг начал угрожать все раскрыть и повел себя, как настоящая мразь. Депрессия и обнаружение в себе новых сил, чтобы жить. И никогда больше у Павла не будет никаких спутников, полная аскеза и закалка ума и тела.

Но человек слаб и одинок, Павлу нет-нет, да мечталось

хотя бы о духовной связи, а в моменты чрезмерной слабости он добывал записи детской порнографии, и презирая себя, онанировал, представляя, как бы все могло обернуться, будь он древний грек.

Так он до поры до времени и жил. С отличием закончил университет, устроился учителем литературы в мою школу, основал туристический клуб “Сократ”. Да-да, делал он все это тайно даже для себя надеясь, что жизнь уготовит ему приятный сюрприз в виде симпатичного мальчика. Тут я, со своим неправильно истолкованным обожанием и повстречался на его пути. Умный и сильный еще безбородый мальчик, который тянется к нему не так, как остальные. Кто же мог знать, что встреча со мной для него обернется не любовью, а смертью. Впрочем, кому, как не тебе понимать, насколько рука об руку идут эти две ипостаси, правда? Ах да, я же еще не раскрыл, почему ты здесь...

Возвращаясь к Павлу... и ко мне. Напоминаю, во Внутренней Риге, в отчаяние лежит, свернувшись калачиком, мой мертвый учитель, а я только что прочитал все его прижизненные мысли. В том числе я увидел, как он мастурбирует, представляя на месте своей руки мой... об этом даже не хочется говорить. А мне на этот момент четырнадцать лет – половое созревание только-только пройдено, и я очень ревностно отношусь к своей сексуальности. Вынырнув из ментальной компостной ямы сознания Павла, я впадаю в бешенство. Я вспоминаю и его лицо подле моего там, в реке,

в последние секунды. Ненависть к этому человеку за мнимое предательство переполняет меня и во внутреннем мире обретает физическую форму – у каждого есть образующий личность внутренний стержень, у Павла он состоит из порочной любви к детям, и я захотел его вырвать, вытолкать, уничтожить.

Забитый в истерике мужчина вдруг зарычал звериным рыком, забился в конвульсиях, выгнулся, стиснул зубы, начал хватать воздух руками.

Я был ослеплен гневом, а Андрюша с ужасом наблюдал, как из копчика Павла возникает металлический стержень, как Павел неестественно выгибается и второй конец стержня, раздробив кости и плоть, проходит насквозь тело и выходит из глотки. Как Павел зависает в воздухе, и как потом стержень вонзается в землю. Павел стонет, нанизанный на трубу, он не угасает, ведь уже давно мертв, он испытывает непереносимую боль, но сознание без материи может выдержать все. Павел оказывается в настоящем аду, а я его палач, черт и Дьявол.

Андрюша рыдает, просит это остановить, я вижу, что наделал, но и не думаю ситуацию исправлять. “Посмотри, кем был твой кумир! Загляни в его мысли, ну, ты видишь?!” – и мне удастся передать свое видение прямиком в голову брату, на этом теперь зиждется принцип Храма Утех, ты все вскоре узнаешь... Но тогда, увидев жизнь Павла, глаза Андрюши, как у меня, не загорелись гневом, он хлопал ресницами

рассеянно и апатично. Брат выглядел смертельно уставшим, чем вызвал вторую волну гнева у меня: “Ну же, накажи его! Порежь, ударь! Сделай с ним все, что захочешь! Давай!” Я вкладываю нож в руку Андрюше и подталкиваю к посаженному на кол. “Давай, я сказал! – гнев застилает разум, – или, может, хочешь оказаться с ним рядом? Может, ты и сам такой же, а, братик?”

Я-то тогда еще был ребенком, стремительно взрослеющим, но все же. Так что говорить об Андрюше? А в детях есть некий потаенный дьявольский механизм, запустив который, освобождается что-то демоническое, не знающее границ, ненасыщаемое. Этот механизм запускается, когда ребенок впервые переходит через табу, так было с Павлом, так стало и с Андрюшей.

Андрюша нанес первый удар. Павел застонал еще больше, осознавая свою участь. И нас стало не остановить. Это была пытка. Пытка, длящаяся неделями. Андрюша впервые за долгие годы обрел новую игрушку и увлекся ей основательно. Он в мое отсутствие больше не смотрел в телевизор, он был занят изучением чужого человеческого тела – его интересовало, как еще можно заставить это тело страдать. Запущенный дьяволом механизм лишил его сострадания, пустил по крови психопатическое зелье, превращающее в садиста...

“Толику... Дайте мне хоть толику свободы” – в бреду молило обезумевшее от боли существо, которое когда-то было Павлом. И мы, хохоча, за эту “толику свободы” прозва-

ли его Толиком, вслед за именем стирая последние остатки жалости. Мы уже и забыли, с чего начались пытки, мы просто утоляли свое детское любопытство, нас занимало, что же еще можно сделать с человеческим телом. Толик должен был страдать не за свои прижизненные грехи, а за то, что запертому в моем сознание мальчику очень одиноко...

Но, пока существует реальный мир, существует и несущее перемены время. И в один момент ужаснулся уже я. Я вдруг понял, что пока вокруг в реальности протекает обычная жизнь с ее невзгодами и радостями, внутри меня существует круглосуточная пыточная. И если ситуацию не изменить, в конце концов, это сведет меня с ума, ведь по Сократу зло против природы человека, а существует только от его недальновидности.

Я пришел к Толику, когда Андрюша, наигравшись, сладко и крепко спал. Думаю, что нового человека с непривычки бы вывернуло от вида развороченного, но живого мяса.

– Скажи мне, чего бы ты хотел?

– Толику, – как обычно рыдает, – Толику свободы.

И, будучи еще молодым, но уже начинающим что-то понимать Богом, я внял его мольбе. Я попробовал представить место за гранью моего сознания, как когда-то давно я представил место с Андрюшей внутри меня, я попробовал выйти за рамки себя и сделать это. И при первых проблесках чего-то там, я забросил туда Толика. Это походило на взрыв – взрыв в моей голове, Толик почувствовался слишком близ-

ко, даже ближе, чем тогда в реке, он будто бы завладевал мной. Овладевал сознанием. Я испугался и оборвал процесс, но пытаемого уже рядом не было, и я больше не чувствовал его во Внутренней Риге.

А потом проснулся Андрюша и устроил настоящий бунт.

– Где Толик, – звал он меня, – где мой Толик?

– А его больше нет.

– Как это нет? Где он? – Не мог поверить мой братик.

И я рассказал, что это стало непереносимым, что мы свернули не туда, что, в первую очередь, это на благо самого Андрюши. Я объявил, что решил смилостивиться и отпустил то, что когда-то именовалось Павлом.

– Как это отпустил? – не унимался Андрюша, – а как же я? Ты понимаешь, что ты отобрал его у меня? Ты лишил меня его? Ты забрал у меня моего единственного друга?

– Друга? Ты уверен, что именно так поступают с друзьями? – перед Андрюшей возник и рассыпался образ измученного Толика. – Скорее я отобрал у тебя игрушку. Отобрал, потому что понял, что она может тебе навредить. А ты сейчасходишь на капризного ребенка!

– На ребенка? А кто я, если не ребенок? Ребенок и есть! Навсегда запертый у тебя в голове вечный ребенок! Ты хоть понимаешь, что я не могу повзрослеть? Ты это понимаешь? А ты отобрал у меня единственное, на что я мог повлиять, единственного, кто понимал мое положение полностью, единственного, кому было еще хуже. Я тебя ненавижу!

После этих слов Андрюша перестал меня слышать. Он начал кричать, наполняя пространство злобой. И его крик был такой силы, что мой внутренний мир размяк под его напором. До сих пор не понимаю, как ему удалось, но вода в Дугаве начала закипать, земля трястись и здания рушиться. С неба пошел огненный дождь, дотла выжигающий созданный моей мыслью город. Наверное, я мог бы остановить уничтожение, но в тот момент мысли такой не возникло. Ах ты ненавидишь! Ах тебе наплевать на то, что я для тебя сделал! Ну что ж, давай, уничтожь. Сотри до основания все, что я для тебя сделал! И оставайся потом в этой пустоте навсегда один. Раз ты меня ненавидишь, значит, я тебе больше не нужен.

И я ушел. Решив в тот день, наконец, похоронить своего давно умершего брата.

Было ли мне тяжело решиться? О, да. Сперва я слышал гневный клич, затем протяжный крик отчаяния. Спустя несколько недель во мне воцарилась полная тишина. Это молчание громче самого громкого крика взывало к совести, но я притворялся не слышащим: не так просто, как может показаться, жить в двух мирах. На тот момент сильнее жалости к брату было желание все забыть и стать нормальным...

Прошло около месяца, я уже был готов сдаться и хоть мельком заглянуть, все ли в порядке, но услышал обращенную ко мне молитву. Да, это была именно молитва – кроткая, просящая, надеющаяся быть услышанной. Молились в

два голоса, я погрузился в себя.

Что же я увидел? Посреди руин, плечом к плечу, на коленях стояли двое – Андрюша и Толик. Их головы были склонены. “Прости меня” – повторял Андрюша, “спаси меня и моего сына” – вторил ему Толик. Сына?

Оказывается, мне не удалось выбросить из сознания Толика, он оказался где-то на краю, когда услышал крик Андрюши и начался локальный Армагеддон. Измученный, Толик начал искать себе прибежище, и каким-то образом ему даже удалось укрыться, но потом он разобрал, что в крике больше отчаяния, чем гнева. Наверное, мне никогда не понять, что его сподвигло, но он отправился в эпицентр, на крик своего мучителя. Его плоть в буквальном смысле горела, но он почему-то шел. И шел не из мести, это понял и Андрюша, когда застыл, увидев изувеченную фигуру.

Андрюша замер, а Толик к нему шел. Андрюша не знал, что сейчас произойдет, не понимал этого и приближающийся. И вот они рядом. Молчание. Глаза в глаза среди руин. Два мертвеца с живыми душами.

Толик обнял Андрюшу. Просто так. Потому что понял, как ему тяжело. Потому что хотелось утешить. Андрюша разрыдался, он плакал, захлебываясь слезами, а Толик молча его утешал, гладил волосы, покачивал.

“Я никогда не смогу увидеть отца, маму. Я больше так не могу. Мне страшно”

Толик ничего не говорил, но его присутствие успокаива-

ло, согривало, обнадеживало, вселяло веру, что все будет хорошо. Андрюше было хорошо и одновременно стыдно за то, что он творил с этим человеком. Ему хотелось загладить свою вину и признаться в том, что он чувствует, но был и страх оказаться отвергнутым. Робея, он решил: “не покидай меня, останься рядом и будь моим отцом”. Толик его лишь крепче обнял и поцеловал в макушку, но его сердце сжалось и на миг остановилось – вот оказывается то, чего он искал – стать для кого-то отцом, быть кому-то нужным.

Я смотрел на этих двоих, стоящих рядом, и видел чистую любовь и исцеление. Они оба очистились, пройдя через страдания, и я не мог им не помочь. Втроем мы восстановили Внутреннюю Ригу, и, опираясь на воспоминания Толика, построили ее основательнее. Что это было за время...

Но давай отмотаем на несколько лет вперед и посмотрим, что же было потом? Тебе интересно?

Потом я вырос в замкнутого на своем внутреннем мире студента. Ведь внутри было куда гармоничнее, чем снаружи. Спорт я не оставил, но из командного ушел в бокс, который на моем пути мне не раз помогал. И вот на втором курсе, из-за неудачно составленного расписания, передо мной встал выбор – спорт, или количественные методы в экономике, ради меня никто не стал бы менять расписания. Я предпочел первое, прикинув, что курс можно выучить по конспектам, а полгода без спорта компенсировать понадобится вдвойне.

Ну и подошла сессия. Экзамен я, естественно, провалил.

Методичка с формулами для меня была темным лесом, а завалить еще и пересдачу, значит остаться без места на бюджете и стипендии. То есть, о высшем образовании можно забыть – отец ничего оплачивать не будет. Что делать?

Что делать? Этим же вопросом я задался, попивая чай с Андрюшей и Толиком в одном из летних кафе Внутренней Риги. «Тебе просто надо научиться пользоваться своей силой», – обрадованно тараторит Андрюша: «а что? попробуй, ты наверняка сможешь и мысли прочитать, и даже головы взрывать, с такими-то навыками с экзаменом разберешься».

Тут надо напомнить, что в то время огромной популярностью пользовались фильмы о сканнерах, может, помнишь? Где группа экстрасенсов силой мысли чего только не вытворяет – взрывает головы в том числе... Не помнишь? Ладно... Андрюша, естественно, на своем «особенном» телевизоре все, пережеванные мной, серии сканнеров видел...

– Не так это работает, – качает головой Толик в задумчивости, – я пытался осмыслить все произошедшее, и, мне кажется, первопричина – отцовское проклятие. Уж не знаю каким образом, но над тобой навис злой рок помещать в свою голову души тех, к чьей смерти ты хоть косвенно имеешь отношение. А если я прав в догадках, ты столкнешься еще не с одной смертью, и твоей судьбе не позавидуешь.

Как ты уже, наверное, догадался, Толик в тот день оказался прав. Я же полностью проигнорировал его последние слова про опасения и вслух заключил, что получается, чтобы

проникнуть в чью-то голову, мне следует его первым делом убить. «Получается, что так», – подтвердил Толик, и на короткое время мы онемели. Признаюсь, мне стало страшно, потому что я физически ощутил мощь цепной реакции, запущенной отцом, и понял, что домыслы Толика и мой вывод являются неотъемлемой частью той цепной реакции.

«Значит, чтобы пристрелить двух зайцев разом – сдать экзамен и подтвердить теорию, тебе надо лишь придушить какого-нибудь ботаника» – нарушил молчание Андрюша, и не было понятно, серьезен он, или шутит. Я тут же нелепо оборвал разговор, сославшись, что мне некогда страдать ерундой и пора в реальный мир готовиться к экзамену по-настоящему. Думаю, и Андрюша, и Толик заметили, как меня трясло.

Весь день я не находил себе места, ночью мне не спалось. Я из всех сил пытался отогнать пугающую мысль, я даже обращался к Богу с нелепой выдуманной молитвой о помощи. Я в ужасе понимал, что уже почти готов. Я был готов пойти на убийство, и, естественно, не из-за злополучного экзамена, во мне свербело желание узнать, сколько правды в теории Толика. Я шепотом называл себя ужасным человеком, жалко пытался удавиться подушкой, но никак не мог избавиться от неправильных мыслей. Ближе к утру я понял, что все, что меня сдерживает – это страх наказания. Ни жалость и неспособность убить, я просто трусил оказаться за решеткой. Весьма странно ощутить, что хоть и мысленно, но ты

уже перешел границу морали. Меня разрывали прозрачные голоса, будто ангел и дьявол пытались перетянуть каждый на свою сторону. Я не выдерживал давления кипящих мыслей, мне казалось, что в комнате душно, что я задыхаюсь, все тело зудело. Мне хотелось укрыться с головой так, чтобы спрятаться от бури во мне, хотелось кричать. И тут мое проклятие спасло меня – я будто бы провалился сквозь землю в буквальном смысле. Меня окружала светлая, теплая и уютная пустота. Я понял, что нахожусь где-то глубоко в себе, гораздо глубже, чем была построена Внутренняя Рига. В месте, куда даже мои собственные мысли проникают с трудом. И мне было очень хорошо, так хорошо, что я спокойно уснул, а выспавшись, я вернулся в спальню уже полный решимости. Я был готов проверить теорию и убить. Я был спокоен и больше не боялся наказания, возможно, мне даже его немного хотелось – хотелось быть пойманный на преступлении и осужденным на долгие годы тюрьмы, ведь тогда бы я смог сбежать в глубины себя, навсегда поселиться во Внутренней Риге, где я самый настоящий Бог, или, если надоест, туда – еще глубже, где сплошная дружелюбная пустота окутывает коконом.

Думаю, неуместно в точности пересказывать реакцию Андриюши и Толика, если найдете общий язык, они сами тебе не раз все расскажут, тут, знаешь ли, любят обмусоливать прошлое... Сейчас отмечу лишь одно, мне показалось, что мое заявление, что я решил и готов убить, чтобы прове-

ритель свои способности, не вызвало у них удивления, Андрияша больше молчал, Толик пытался отговорить, но, скорее для проформы. По-видимому, они в мое отсутствие тоже все обговорили и обдумали, и сами не могли найти способ, как подтолкнуть к преступлению. Я же сейчас не психологический триллер пересказываю, так что не будем копать в их мотивах, скорее всего – это была обычная скука.

В общем, мы достаточно быстро перешли непосредственно к обсуждению плана моих действий...

Не пойму, ты меня слушаешь? Тебе вообще интересно? Хочешь услышать, как я впервые осознанно убил человека?

Это сейчас я понимаю всю нелепость плана, тогда же я считал, что иду на идеальное преступление. Жертву среди однокурсников я выбирал по двум критериям – первый, вполне очевидный, она должна обладать четким пониманием проваленного мной предмета, зазубренные формулы, вот это все. Второй же критерий у тебя может вызвать вопросы, но я сейчас поясню: мне был необходим противник, способный дать отпор. Тот, кто не уступал бы мне в силе, или же даже оказался сильнее. Таким образом я пытался успокоить совесть, мол это честная дуэль, а не подлое убийство.

И конечно же был такой человек, который соответствовал обоим критериям. Даже более, я испытывал к нему личную неприязнь – любимчик публики, знатный ходок по бабам, мастак по громким, скандальным выходкам, любитель

тягать железо в спортзале, при этом обладатель математического склада ума и от этого весьма расчетливый мерзавец – все это был мой одноклассник Том.

Да что я такое говорю, какая личная неприязнь, это слишком мелко – я его терпеть не мог! Душа компании, якобы отстаивающий интересы слабых, сражающийся за справедливость, а на самом деле расчетливо расчищающий себе место лидера. И ведь даже здесь, во Внутренней Риге, он так в этом и не признался. Вот я и перегнул палку немного... Но сейчас не об этом.

Я готовился к дуэли. Качок против боксера – так я для себя ее назвал, настраиваясь внутренне. Да, я заставлял себя возненавидеть его еще больше, я возводил гнев в запредельную степень, одновременно дразнясь предстоящим смертельным состязанием проверить, кто из нас окажется сильнее – я совсем недавно из командного игрока перешел в разряд одиночек и мне, в том числе, требовалось доказать, что я по-прежнему лучший – сильнее, злее, ловчее других.

Я копал до недр подсознания, пробуждая оттуда первородную злобу, ту самую, которая вводила в транс наших предков-охотников и застилала глаза яростью, побуждая уничтожать каждого, вставшего на пути. А когда я ее достиг, я мысленно прокатывал сценарий действий раз за разом, еще и еще, предсказывая и оттачивая, до тех пор, пока четко не начал понимать каждое свое действие, тем самым, хладнокровием взяв злобу, до поры до времени, на поводок,

чтобы в нужный момент приказать короткое фас! Я был полностью готов и настала пора действовать.

После основных экзаменов (моя передача была назначена позже), намечалась вечеринка однокурсников, прощальная встреча перед каникулами. Староста собрала деньги на аренду кафе, после самые неугомонные договорились отправиться в ночной клуб. Естественно, среди последних были и я, и Том. Ночной клуб я и выбрал зоной боевых действий. Сейчас в Старой Риге, напротив площади Ливов, на месте того клуба какое-то кабаре или караоке, во Внутренней же Риге я обозначил место знаковым – думаю, ты не раз там побываешь, ведь именно здесь у нас находится Храм Утех. В моем же реальном прошлом клуб назывался «Рокси» и являлся одной из основных танцевальных площадок, собирающей разношерстную публику от студентов и гопников до предпринимателей и политиков. Разнохарактерность посетителей и постоянную забитость клуба можно было сравнить с предгрозовым небом, только облака заряжаются электричеством, а тусующиеся коктейлями. Но и те, и эти при столкновении друг с другом разряжаются молниями.

Чтобы нейтрализовать случающиеся стычки, в клубе действовала охрана – и работала достаточно профессионально, при малейшем конфликте она возникала из ниоткуда в виде пяти-шести бугаев и оперативно выводила буянов на улицу, причем враждующие стороны из клуба удалялись по очереди и с временным интервалом, что позволяло драчунам по-

достыть и не продолжить схватку тут же за порогом. Я обо всем об этом был в курсе и это являлось базовой частью моего плана. В общем.

Уже в кафе я держался рядом с Томом, выпивал с ним, братался, высказывал сожаление, что раньше не успел познакомиться поближе, ведь у нас много общего. Между делом, кстати, интересовался и его математическими познаниями, в шутку, мол, подкалывая, сам ли он сдал все экзамены...

Под вечер, разогрев чувства этанолом, мы были не разлей вода, и в клубе к нашему тандему стремились примкнуть едва ли не все девчонки с курса – их прельщала бьющая ключом уверенность и сила молодых спортивных тел. А там, где есть женское внимание, возникает и мужское – находятся самцы, стремящиеся доказать свое превосходство и утвердиться через доминирование. И все это играло мне на руку.

– Слышь! Ты куда смотришь? Сюда пойди! – Начинаю я напролом: – Сюда иди, я сказал!

И пока незнакомец скалится в улыбке, прыжком сокращаю дистанцию и врезаюсь кулаком в челюсть. Периферийным зрением вижу, как к нам подтягиваются его друзья. Отлично, драка завязалась, теперь главное, чтобы Том среагировал правильно. Ко мне подбегают сразу двое, по лицам не понятно, собираются ли они атаковать, или хотят оттащить своего приятеля, бью наотмашь, намеренно не прицельно и наугад, удар проходит вскользь и тут же с двух сторон прилетают ответки. Ну же, Том! Пропускаю парочку непрофес-

сиональных ударов, прикрываюсь, отхожу – ребята наступают – еще немного, и мне придется худо в пассивной обороне, неужели он не вмешается? Том с разбега влетает в нападающих, отбрасывает одного, второго осыпает ударами. Наступление отбито, больше на нас никто не надвигается. Вижу, как приближаются охранники. Но нет – еще рано!

Лихорадочно соображаю, что делать, по плану и я, и Том должны были хорошенько получить, перед тем, как оказаться на улице. Чувствую свою вину – струсил и выбрал слишком легких соперников. Оглядываюсь и вижу, как рядом крепкая компания с улыбками на лицах комментирует потасовку. Не раздумывая влетаю в ее эпицентр и орудую кулаками и локтями. Держусь не долго, получаю оглушительный удар и оказываюсь на полу, несколько раз прилетает ногами – сильно и точно, сознание мутнеет, носком туфли разбивают бровь, и я чувствую, что вот-вот отключусь. Держусь невероятным усилием воли, перед тем, как уйти в незабытие, нужно убедиться, что план сработал.

Том, трезво оценив силы соперников, не идет в прямую атаку, а прикрываясь плечами и локтями, пытается расчистить пространство вокруг меня – его подсекают, он оказывается на полу и своим телом накрывает меня, самого его накрывает шквалом ударов, уже не могу разобрать, только моя ли кровь вокруг. Мучения прекращаются, поспевают охрана. Пытаются поднять Тома, но его ноги подкашиваются. Да! Да! Да! Первая часть прошла успешно, осталось самое сложное

– завершить.

Музыка в клубе стихла, большая часть охранников возит-ся с пинавшей нас компанией, меня и Тома ведут к выходу, я подставляю ему свое плечо опереться. Оглядываюсь – ни одна из девчонок за нами не идет, все куда-то пропали. За-мечательно.

Чтобы опять не нарваться, охранники советуют уйти от клуба подальше, и оставляют меня с Томом в ночи одних. В контрасте с клубной атмосферой темная площадь старого города кажется уютной и дружелюбной.

– Что это было? – недоумевает Том, – ты же вел себя, как...

Переходим улочку и заворачиваю к площади. Странно, но вокруг нет ни ночных тусовщиков, ни туристов. Встаю на-против Тома и смотрю ему в глаза:

– Сейчас я попробую тебя убить... – до сих пор помню, как в тот момент дрогнул голос, – сопротивляйся!

– Что ты попробуешь сделать? Слушай, тебе пить вообще нельзя, переклинутый.

Продолжаю смотреть в упор, вспоминая, за что ненави-жу, кровь бьет в голову – лицо горит, стискиваю зубы, делаю полшага в сторону противника.

Том перестает ухмыляться и шагает на меня – лицом к лицу, его губы сжимаются в узкую полоску, ноздри, наобо-рот, вздуваются.

– Успокойся, – цедит сквозь зубы, упираясь своим лбом в

мой, – или я сам тебя сейчас успокою, по-дружески.

Моя усмешка переходит в оскал, чувствую, как внутри бурлит и просится наружу заготовленная для этого момента злоба. Отдаю короткое:

Фас!

Что-то более черное, чем рижская ночь, высвобождается и окутывает меня. Через эту тьму свет кажется ядовитым – его надо уничтожить, пока он не уничтожил меня.

Даже не помню, каким образом получилось так легко нокаутировать Тома, паника продралась и разбудила рассудок лишь в тот момент, когда я осознал, что не знаю, как действовать дальше – какими ударами добить лежащего без сознания человека чтобы убить наверняка, и чтобы самому остаться вне подозрений.

Вот тебе и идеальное преступление – трясущийся, готовый закричать от отчаяния, я склонился над своим однокурсником – в кадык? В висок? Впечатать нос в лицо? Насколько эффективно и насколько наверняка? Ведь вся моя подготовка была – якобы в шутку в раздевалке обсудить летальные удары. И почему-то мне казалось, что я все понял и готов, проматывая план в голове, у меня получалось идеально. Как я мог забыть, что теория сильно отличается от практики.

– Вот они! – Доносится откуда-то с периферии, – эй, хлопцы, постойте!

Оборачиваюсь, и душа уходит в пятки – ко мне бегут те

парни из клуба. Значит, провал – я не успел...

В тот момент, когда в меня прилетает удар, стою в растерянности и с опущенными руками, не сопротивляюсь. Как-то отрешенно ощущаю боль и сотрясение, падаю, но не теряю сознание. И не думаю сопротивляться, пускай отыграются – я этого заслужил, так же как и любого отцовского наказания за невыполненное задание.

– Стой! Со вторым что? – Нехотя впитываю слова, доносящиеся сверху, – он живой вообще?

– Блин, пацаны...

– Ты убил его?!

– Даже не трогал!

– Походу он того, надо вызвать скорую...

– Да не трогал я его!

– Я за тебя, мудака, не сяду!

– Не трогал я его!

– Всё, валим!

– Какое валим! Надо скорую! Он, в натуре, убил его!

– Заткнись! Валим!

Топот ног, и становится очень тихо. Боясь спугнуть удачу, медленно поднимаюсь. Неужели... Неужели у меня получилось? Может ли быть, что один из моих ударов пришелся в цель? Да нет – боюсь поверить, Том просто в глубоком нокауте. А как было бы хорошо – как совпало бы, даже эти парни возникли к месту... Неужто судьба мне подыгрывает?

На четвереньках подбираюсь к Тому, тормошу его – ноль

реакции. Сажусь рядом, делаю несколько глубоких вдохов, чтобы сконцентрироваться и убрать предательскую радостную улыбку, фокусируюсь, зову на помощь...

Вскоре фельдшер констатирует смерть Тома. После оказания первой медицинской помощи меня увезут на допрос, так же возьмут показания у охранников, и по записям камер-видеонаблюдения в клубе (в то время улицы Старой Риги еще не были усеяны камерами) найдут тех парней, которые даже не станут отрицать свою вину. В общем, для меня все пройдет как нельзя лучше...

Ну, а теперь перейдем ко Внутренней Риге и Тому:

Мы с нетерпением ждали наступление третьего дня, по негласной договоренности избегая обсуждения самого преступления. Наконец, Том прибыл – странная же встреча его ждала... Андрюша стоял с опущенной на грудь головой; я трусил – нет, стыдился, и поэтому лавировал между реальностью и Внутренней Ригой, походя на приведение; Толик старался держаться прямо, но и в его движениях читался дискомфорт. Восставшая жертва предстала перед соучастниками преступления – Том был первым, кого я осознанно убил. И с какой целью? На самом-то деле он нам был не нужен, и мы не знали, что с ним теперь делать.

– Где я? Что происходит? Никита, где мы?

Я молчал, не понимая, как дальше действовать с тем, чего я осознанно, рискуя свободой и жизнью, добивался.

– Чем вчера все закончилось, Никита. – Не унимался Том, чувствуя что-то ужасное.

– Мы с тобой сцепились... – попытался он понять, и сознание тут же переключилось, – А кто эти двое?

– Ну, хватит, – Толик ладонями показал останавливающий жест и обратился ко мне – попробуй прочитать его.

Сейчас в этом стыдно признаться, но я, еще не полностью осознавший свою, граничащую с божественной, власть над этим миром, стоял полностью неподготовленный. Попытка Толика форсировать события вызывала злость и раздражение, как всегда бывает, когда пытаются подтолкнуть к чему-то быстрее, чем ты успел настроиться. Но эта же злость, по спортивной привычке, побуждала к действию, видоизменяясь в стремление доказать, что для меня нет преград, и я всегда буду лучшим, при любых обстоятельствах.

– Да что здесь происходит, Никита? – У Тома начиналась паника, страшные догадки атаковали разум. – Ты, мальчик, как тебя зовут? Подойди ко мне, ты ведь не обманешь?

Андрюша даже растерялся и смутился от неожиданности. Вот только Том не понимал, что в теле мальчика находится мертвый, но при этом взрослеющий юноша, в котором ничего не осталось от той детской доверчивой откровенности, на которую убитый однокурсник рассчитывал.

– Что же ты замер! Подойди, не бойся... – И Том сам ринулся к нему, как к своему спасению.

Андрюша действительно стоял, как вкопанный. Сберечь

своего самого дорогого человека поспешил Толик, преграждая Тому путь, за что получил сильнейший толчок от девяностокилограммового тяжелоатлета.

– Мальчик! – Том тряс Андрюшу как грушу, – немедленно рассказывай, что здесь происходит! Ну же! Выкладывай всю правду и никого не бойся!

Тщетно попытавшись вырваться, Андрюша в самом деле повел себя, как маленький мальчик – он закрыл уши ладонями и замычал что-то невнятное. Толик пришел в себя и набросился на Тома: навалился ему на плечо и взял в захват шею, но озверевший однокурсник без труда стряхнул напавшего, словно тряпичную куклу, после чего нанес оглушающий удар в скулу – хорошо, что покойники не умирают дважды.

Я с восторгом и обидой заврожено наблюдал за Томом – с восторгом от его физической силы и обидой, что три дня назад он не направил весь свой потенциал против меня, а, значит, дуэль прошла нечестно...

Андрюша закричал. И почти так же громко, как в тот раз – с огненным дождем и кипящими реками. Мне показалось, что Внутренняя Рига содрогнулась от пронизанного страхом голоса, но очередного пепелища стоило бы избежать – я прекратил наблюдать и начал действовать.

Мне именно хотелось эффектности и шоу, покрасоваться перед однокурсником своей крутостью, поэтому среди чистого неба грянул гром, и молния ударила в грудь Тому.

После яркой вспышки запахло жареным – Том лежал, чуть перебирая пальцами. Я подошел поближе. Он, обладая бессмертием и невероятной силой воли, помноженной на отчаяние, сумел повернуть голову и посмотреть на меня, за что получил еще один разряд – мне требовалось в корне уничтожить сопротивление.

Из нас троих никто не испытывал сочувствия, ведь мы заставили себя его ненавидеть. Страх, ненависть, запах обгоревшего тела – вот что витало в разряженном воздухе. Я наклонился над Томом и без проблем нырнул в его голову.

А теперь, если ты, вдруг, надеялся, что твою душу поработил эдакий сверхчеловек, поглощающий знания и навыки приведенных во Внутреннюю Ригу, и от этого становясь сильнее в реальном мире – буду вынужден тебя разочаровать. Да, я могу видеть все ваши жизни насквозь, все вами обретенные знания и навыки у меня, как на ладони. Но ничем из этого я не могу воспользоваться, я могу видеть, но не могу переварить и усвоить. И, возможно, ты сейчас думаешь, что великий дар достался глупцу... А, хочешь один секрет? Хочешь, поделюсь тем, что мне без труда удалось разглядеть в каждом? Ну, слушай:

Люди набиты дерьмом. Да, именно так. И нет в них ничего более. Ни у кого нет особого, специального качества, ведущего к успеху. Никто не обладает каким-то особенным знанием. Каждый, какое бы место он не занимал, находится

там незаслуженно: и последний неудачник навроде тебя, и именитый светский лев – лидер общественного мнения, любой занимает место не по своим знаниям и способностям, а по стечению обстоятельств и прихоти судьбы. Никто ничего особенного не заслужил – ни наказания, ни поощрения, все набиты дерьмом и нет кого-то лучше, кого-то хуже.

И вот, я без проблем оказался в голове однокурсника... Признаться, больше всего меня удивило, каким прямым жизненным путем он шел, в Томе не было никаких сомнений, отложенных обид или излишних фантазий. Он походил на идиота и на эдакую высокоточную машину одновременно – задача, мгновенное решение, действие. Никакой рефлексии, никакого переосмысления. В Томе был твердый стержень, который ни одна жизненная передрыга не могла надломить. От властного и заскорузлого отца он получил карту с координатами, в которой были размечены «хорошо» и «плохо», и Том ни разу не сходил с курса, ни разу не задумывался, к сокровищам ли идет. По этой же причине он любил математику – в ней тоже дважды два, при любых обстоятельствах, останется равным четырем.

У меня была конкретная цель, но, ведомый любопытством, я жаждал исследовать каждый закоулок его сознания. Так, рыская, я набрел на подзамочное – Том был консервативен и не считал, что любовные похождения – это то, чем стоит делиться. Но от меня-то ему уже было не утаить.

На тот момент я все еще был девственником, количество же девушек Тома близилось к десятку – и вот все эти связи предстали передо мной. Это не тоже самое, что смотреть порно или подглядывать в замочную скважину, нет: ты переживаешь все то, что переживал ныне покойник в тот счастливый для него момент, ты забываешь о себе и проживаешь его рассудком, ты испытываешь всю гамму его эмоций и ощущений, включая оргазм... Среди прочих, был у Тома один исключительный случай – она: рыжая, маленькая, спортивная, приходит к нему. В ее головке, как ей кажется, хитрый план – разведать, как он относится к ее подруге, и, в случае его заинтересованности, пригласить выступить в качестве подарка на день рождения. Она говорит, а он делает музыку громче, и она уже не слышит себя – она злится, что план рушится, тянется убавить звук, он перехватывает руку. Попытка вырваться, но он уже на ней. Задранный черный свитер, сорванный лифчик, она кричит и извивается, но он намного сильнее и знает, что делает. Она плачет и просит его остановиться, а он покрывает ее маленькие груди грубыми поцелуями. Страх сковывает ее сопротивление, возбуждение подталкивает его добиться намеченного, и вот уже молния ее джинсов расстегнута...

Потом он выключит музыку и запустит игру в телефоне. Она беззвучно выплачется, затем, размазав сперму, подтянет штаны, оправит свитер и, чуть покачиваясь, уйдет. Он лишь вскользь проводит ее взглядом: надеюсь, усвоила? он не иг-

рает в чужие своднические игры...

Я снова и снова, на одном дыхании, прокручивал тот эпизод. Эта девчушка – она не только была с нашего курса, так еще и очень нравилась мне. А потом она неожиданно пропала – перестала посещать занятия. Всегда такая говорливая, веселая, активная. Так вот, значит, почему...

Я прокручивал снова и снова – злость, ревность, сочувствие, сожаление, жалость, возбуждения – и это еще не вся палитра, испытываемая мной в тот момент. Том даже не задумываясь отобрал то, чего я представить не мог осмелиться попросить. Тогда-то я и понял, что испытал Андрияша в день своей смерти после моих слов о договоренном свидании с девочкой, в которую он был тайно влюблен.

Но, к чему я это рассказываю – это ведь к твоему положению отношения не имеет? Впрочем, давай немного намекну – я ведь позже нашел ту рыженькую, мы начали встречаться, и именно с ней я лишился девственности. А после я встречался еще со многими, которых находил и о которых узнавал в головах покойников. У, как же страшная догадка искорежила твое лицо! Ладно, успокойся, давай закончу историю про Тома, ты же еще не забыл, ради чего я его убил?

Да, я смог увидеть, какими знаниями он обладал – казалось бы, цель достигнута, но... Ничего из усвоенного Томом я не мог впитать. Это как в десятикратной перемотке просмотреть даже не сам курс лекций, а трейлер к нему. Какие-то знакомые слова проскальзывают, более-менее понят-

на тема, но суть уловить невозможно. Плюс ко всему, от основы ответвлялись хитросплетения из цветов, запахов, нелогичных образов, вызывающих конкретные ассоциации у конкретного мертвеца и для меня не поддающиеся дешифрованию.

Я был в бешенстве. Андрюша и Толик не могли понять, что случилось. Ах вы не можете – смотрите! И перед ними возникла деревянная будка, видом напоминающая деревенский сортир – подлинный прародитель Храма Утех. Первым в нее вошел Толик, и вышел оттуда не скоро, а когда дверь вновь со скрипом открылась, мы увидели глаза, переполненные восторгом, поэтому Андрюша поспешил с нетерпением. Одинокие и голодные до новостей из внешнего мира – для них окунуться в чужую жизнь было истиной отдушиной, лучиком света, вызывающим зависимость – и для тебя Храм Утех вскоре станет местом воистину божественным, поверь. Но что нам было делать с экзаменом, Томом и пробелом в знаниях?

Мне было, есть и будет присуще спортивное упрямство. Я не был готов сдать просто так. Ах не получается пойти легким путем – отправимся сложным, но из университета я не вылечу. Если я не могу впитать знания, нужно предмет выучить. Тем более, у меня есть подходящий кандидат на роль репетитора. А то, что в запасе не так много времени, тоже не беда – ведь в реальном мире и Внутренней Риге оно может протекать с разной скоростью. Оставалось внушить

Тому, что он должен меня учить, а о том, что он был твердолобым, ты уже слышал.

Начал я с попыток объяснить, где он и что произошло, но Том ответы не принимал, требуя какой-то своей правды. Он закрылся и ошетинился, наотрез отказавшись верить в происходящее – таких принять во Внутреннюю Ригу сложнее всего, их приходится ломать, заставляя действовать по моей воле. Том был одним из первых, поэтому я, возможно, переборщил, устроив ему настоящий ад: чтобы ты понимал, я, например, изобрел вечную мясорубку – и для создания этого хитроумного устройства я задействовал церковь Святого Петра, вон, ее шпиль виднеется... Орудие пыток работало так: в башне-колокольне жертву подвешивали за руки и медленно опускали в остекленную шахту лифта, где ее, сантиметр за сантиметром, перемалывало на фарш. Том проходил мясорубку от пят до кончиков пальцев, при этом оставаясь живым раздробленным нечто, обладающим разумом, способным ощутить всю боль и смысл происходящего. Потом он м-е-едленно собирался, склеивался по кусочку, чтобы повторить все заново.

Искусен я? Чертям в аду есть, чему поучиться, хе-хе. Но ощущения Тома сложно передать словами, может, желаешь попробовать? Ну-ну, времени у тебя будет уйма, вдруг когда-нибудь захочешь сам вот так вот поразвлечься. Это не смертельно – гарантирую. Но больно очень, учти. Ладно... Слишком не осуждай меня – что мне оставалось делать? По-

сле настоящего убийства в реальном мире сложно отказаться от своей цели из-за упрямства кого-то в моем подсознании. Что то было не упрямство, а помешательство – я догадался не сразу. Про стержень Тома я тебе говорил, так вот, происходящее не вписывалось в его картину мироустройства и он попросту отказался принимать Внутреннюю Ригу как данность.

Я был взбешен, и бешенство заводило творческий потенциал – чего я только не выдумал – рвал на части, лишал воздуха, пытал током, за внутренний день истощал от голода и умертвлял жаждой. Что в это время делали Толик с Андрюшей, какое принимали участие? Андрюша сперва наблюдал за пытками, но Толик в это время наблюдал за ним, и под пристальным взглядом Андрюша устыдился – они удалились, оставив меня с Томом и моим бессильным бешенством наедине.

Я бесконечно растягивал внутренние дни, иногда лихорадочно и истерично врываясь в реальность, трясущимися руками хватаясь за учебники и конспекты, но пересдачу я предсказуемо завалил, а отыгаться было не на ком – я стирал Тома в порошок, но ему к этому времени было уже безразлично.

И я впал в апатичное отчаяние. Как же так: получается, я напрасно убил человека. Ни к чему хорошему это не привело – я разом загубил две жизни: Тома, что очевидно, и свою в несбывшемся светлом будущем.

Как я и предполагал, отец оплачивать перевод на платное отделение отказался, более того, не согласился он и быть поручителем моего кредита, поэтому меня ждала по-настоящему взрослая жизнь – мне четко дали понять, что раз уж учиться я закончил, пора бы найти себе работу и поскорее упорхнуть из фамильного гнездышка строить жизнь самостоятельно. Мне было страшно находиться в реальном мире с его туманными, но, на мой взгляд, злыми перспективами, и я прятался от всего и всех во Внутренней Риге. Я околачивал углы здешних улиц, раздражаясь подмеченными недостатками созданных силой мысли конструкций, но не исправляя, а нарочито выпячивая их еще больше – мне хотелось довести до карикатуры сотворенный мир, чтобы самому ужаснуться тому, во что я верю и еще больше упиться жалостью к себе. Тогда-то меня и перехватил Андрюша.

– Все плохо, брат? – Начал он с сочувственной ноты, и, не дождавшись ответа, продолжил:

– А что именно плохо?

Я бросил раздраженный взгляд, но его недетские глаза не пробрало:

– Давай разберемся, что именно тебя так вывело из себя? Что тебе придется разгребать проблемы там? – он закатил глаза, намекая на реальность. – Так поселись здесь. Навсегда. Как я, Толик, теперь еще и твой однокурсник. А что? Знаешь, как тут уютно? Навсегда останови ход своего времени... Вот только ты и представить не можешь, как я тебе за-

видую. Да, братец мой, ты и представить не можешь, на что я готов пойти, чтобы оказаться на твоём месте, и быть способным увидеть реальный мир собственными глазами. На что, например? Например, я изредка помышляю, а что будет, если тебя уничтожить тут, внутри: придушить, зарезать, сжечь – убить каким-нибудь способом. А что, если я тогда займу твоё место там, в настоящем мире. Вряд ли конечно... Но знаешь, что меня сдерживает? Нет, не то, что вероятность занять твоё тело ничтожна мала и фантазия бредова, а то, что я не знаю, как тебя убить. Ты ведь в этом мире бессмертен. Ну что ты смотришь с оскалом? Да, признаюсь, я тебе завидую, и даже очень! Да, я бы все отдал за возможность разгребать твои «проблемы». И нет – мне это осуществить невозможно. Но ты! Ты все тут бродишь сам не свой. Так давай уж! Брось все и поселись во Внутренней Риге. Только тогда навсегда. И я тебя уверяю, очень скоро ты поймешь, каким же был идиотом.

Глаза Андрюши источали гнев и презрение, и, представляешь, в тот момент мне было страшно ему перечить. Почувствовав это, он чуть успокоился:

– А лучше соберись, прекращай надумывать страхи и покори тот мир. За себя и меня! Проживи жизнь так, чтобы нам на двоих хватило! И ничего не бойся – мы всегда рядом. Скопом уж что-нибудь придумаем. Только умоляю, прекращай ныть и возьми себя в руки.

«А ведь правда», – думал я в тот момент: «ведь он чертов-

ски прав». Я ведь действительно должен и Толику, и Андриюше. И, чтобы вернуть долг, я обязан стать лучшим: первым из людей. Для меня нет преград! А если кто-нибудь встанет на моем пути, что ж... я знаю, как заставить любого служить мне отныне и во веки веков. Я знаю, как для кого-то сделать-ся Богом!

Да-да. Я ведь теперь, с момента твоего пробуждения во Внутренней Риге и твой Бог. Ты очень скоро это прочувствуешь полностью...

В общем, я взял себя в руки. С того момента и навсегда. Я, наконец, понял и принял свое предназначение. Я осознал, чем может быть полезна Внутренняя Рига, если мою способность использовать как инструмент. И все последующие годы я шел к своей цели. Я до сих пор продолжаю идти. Поэтому Внутренняя Рига все время растет и потихоньку наполняется: если коротко, мой внутренний, впрочем, теперь и твой мир можно поделить на две зоны: Старый Город, с которого все началось, и Бизнес-Центр – это вон то вот здание за Вантовым мостом, но тебе, как и другим, кроме Андриюши с Толиком, разумеется, туда доступ закрыт, да там и делать-то нечего. Рассказываю о Бизнес-Центре исключительно ради общей информации: хотя ты и без меня узнал бы: здешняя земля полна слухами, знаешь ли...

Так вот, в Старом Городе обитают те, кого я... кто тут оказался из моего любопытства, скажем так. Да-да, тут те, чьими воспоминаниями и переживаниями я воспользовал-

ся, чтобы лучше познать себя – вот только не осуждай – это – как наркотик, ты сам еще втянешься: все про всех из Старого Города доступно каждому в Храме Утех, и стоит тебе один лишь раз попробовать... Все. Здесь все без исключения просят и заказывают еще, поэтому поверь мне, ты едва ли сможешь отказаться... Разве что Том ни о чем не просит. Да, давай-ка я закончу про Тома, хотя и заканчивать-то нечего: как я уже говорил, никто ему ничего объяснять не хотел – он был нужен с конкретной целью, которую, ко всему прочему, провалил. Более того, никто из нас не хотел, чтобы он нарушил порядок вещей. Ну, и мои пытки, чего уж там...

В общем, мы про него даже забыли на какое-то время, а когда спохватились... да, он в своей человеческой форме, но это больше не живой человек... Не живая душа, наверное, я это имею в виду. Сам все увидишь.

Так, что еще я забыл? Как все началось, ты услышал... Про Старый Город я тебе рассказал... Бизнес-Центр не про тебя, хоть там и правила строже... Да, во Внутренней Риге нет женщин и детей, кроме Андриюши, который, сам знаешь, отдельный случай, так что я не совсем уж и монстр... впрочем, я не испытываю вины за убийства, во-первых, это скорее похищения, а во-вторых, я дарую вам новую жизнь без забот. И у вас есть Храм Утех, что тоже говорит о моей гуманности.

Ну, всё. Пожалуй, основное я тебе рассказал, остальное ты узнаешь и увидишь со временем, которого у тебя будет уй-

ма. Гуляй, осваивайся, начинай свою новую жизнь. Во Внутренней Риге жителей не так уж и много, но и не мало, если учесть, что всех их убил один человек.

И, пожалуйста, учти, я могу превратить твое пребывание здесь в ад, поэтому, давай-ка без глупостей.

2. Его исповедь

Как четки перебираю моменты с тобой, любимая. Таких бусинок ровно тридцать три: вот мы замечаем друг друга среди толпы, впервые встречаемся взглядами; вот я у твоего столика – говорим и даже спорим; первое свидание после; первые поцелуй; второе свидание; третье; первая интимная близость... вторая; первая попытка открыть тебе душу; первое непонимание; первая обида и попытка закрыться; первое проявление терпения; первое преодоление; первые разговоры о Боге... переезд и первые дни и ночи вместе; первый секс на кухне; и первый завтрак в постель; первые неловкие эксперименты с телом; первые попытки найти общее во всем; первое обоюдное разочарование; повторное преодоление; торжество и решимость не сдаваться; первый большой путь вместе; первый поиск выхода из рутины; первые безумства; первый синхронный оргазм; первое ощущение полного единения; второе раскрытие души; принятие.

И за всем этим первым, вторым и третьим – завершающей, тридцать третьей бусинкой – одно бесконечное ощущение потери себя в тебе и обретение чего-то большего. Может быть Бога, не знаю...

Пусть это будет исповедью к тебе, моя любимая. Не перед Богом же – к тому, после случившегося, мне сложно заставить себя обратиться, а этот, здешний – просто самозва-

нец.

С чего же начать раскаяние? Надо бы как-то так, чтобы ты, будь сейчас рядом – поняла меня правильно. Пожалуй, признаюсь тебе, что я верю в магию. Нет, магия заключается не в этом, что я после смерти смог оказаться в плену в голове своего убийцы. Настоящая магия в том, что простые люди, с виду такие же как мы с тобой, могут творить нечто божественное – они обладают космической силой мыслью, понимаешь? И они умеют эту мысль воплотить в произведении. Эти люди – подлинны таланты, гении, волшебники. Но таких людей единицы на миллион... Впрочем, я не сведущ в статистике... Знаю только, что я не один из них, мне не прыгнуть выше головы, хотя и у меня было желание дотянуться до звезды (видишь, я даже мыслю штампами и пошлыми банальностями), но, увы. Моя доля – оставаться посредственным художником и восторгаться гениями. Такая же доля и у остальных – восторгаться и понимать, что подобных высот им не достичь. Но что тогда делать? Как быть? Какова наша роль? О, я долго размышлял над этим...

Я начал наблюдать и заметил, что некоторые, не обладая ничем, пытаются пускать пыль в глаза и косить под волшебников – обезьянничая в жестах, манерах поведения, даже подражая ходу мысли – естественно тщетно, ни на толику не приближаясь к таланту и вызывая (у меня) ухмылку, в тоже самое время подчеркивая низостью своего существования то божественное, ведь все познается в сравнении.

Все познается в сравнении – именно эта, не знаю чья изначально мысль, и продвинула меня в размышлениях. Как говорит мой нынешний Бог, нет никаких качеств, ведущих к успеху, есть лишь стечение обстоятельств – судьба. Мне и до знакомства с Никитой была близка эта мысль: каждый находится на своем месте, и если не можешь дотянуться до Божественного (а я по молодости пробовал, и не раз), остается быть самим собой. Но в чем тогда смысл, в том числе и художественный? А я ведь художник, пускай и посредственный... Так вот, смысл заключается в том, что не надо натягивать маски, а следует играть свою роль – пускай она и третьего даже плана. В этом великий художественный замысел – не подражать кому-то, а выражать свое. Зачем это нужно? О, любимая, в этом и есть божественная идея – и она становится понятной, если охватить картину целиком. Если выпала такая участь – следует оставаться актером третьего плана, чтобы подчеркнуть разницу между собой и ими, понимаешь? Таким образом я возношу их дар. Да, моя роль, как посредственности, довести обыденность до карикатуры, и так я воздам гениям. Это как акценты в живописи, которые достигаются посредством контрастов. Я взаимодополняю своим нюансным цветом контрастную на моем фоне гениальную точку.

В этом великий замысел и это мое предназначение.

Если мне не было суждено родиться гением, моя миссия всячески нарочито подчеркивать свою низость, грязнуть в

быту и осквернять манерность. Чтобы истинные гении еще ярче светили на фоне таких как я. Я – свинья, и это мой осознанный выбор.

Но вначале я сказал, что исповедаюсь тебе. Значит, ты можешь спросить, в этом ли я раскаиваюсь, так ведь, любимая? Нет, я раскаиваюсь не в убеждениях, а в том, что едва не предал свои идеалы. И это случилось после встречи с тобой...

– А меня – Вера. – Сказала ты в тот вечер, и я протрезвел, чтобы не алкоголь, а что-то изнутри, обладающее гораздо более мощной силой, вскружило голову.

Мы говорили, а то странное, зародившееся внутри, бушевало, разрасталось, захватывало мое сознание – я не мог сопротивляться – это было не только тревожное, но и торжественное всепоглощающее и перекраивающее нечто.

Я знаю, ты бы сейчас, улыбнувшись, сразу же угадала – то была любовь. И поселившееся во мне новое чувство требовало перемен, оно руководило мной, и его не устраивали мои взгляды на мир.

Любовь диктовала мне, что я обязан стать лучше, что я не должен принимать свою роль, что теперь мне нельзя просто так смириться – иначе ты предпочтешь другого.

«Если есть лучшие, почему она должна выбрать меня? Не достойна ли она лучшего?» – терзался я, в то же время прибывая самым счастливым человеком на земле рядом с тобой. Но, возможно, и самым несчастным из-за внутренней борьбы...

И я начал действовать. Но во мне не было ни капли уверенности в себе – помнишь, ты смеялась, какой я неуклюжий и суетной? Но я не был таким до встречи с тобой – это меня в разные стороны перетягивали голоса внутри.

Я лихорадочно хватался за холсты. Начиная писать и уничтожал портреты – не было в них ни капли от того идеального образа, который олицетворяла ты.

Я любил тебя и был любим, я упивался этим, но не мог утолить жажду, я терзался и презирал себя. Я напивался до беспамятства, не в силах выдержать свою посредственность трезвым, но наступало похмелье и становилось только тяжелее... Я не мог признаться тебе.

В это же время в мою жизнь вошел Никита. Я правильно расценил, что это знак судьбы, только ошибся, что именно он означает. Сейчас, хватаясь за голову, понимаю, насколько же заблуждался в расшифровке.

Он с первого взгляда оставлял впечатление человека влиятельного. Я был уже изрядно пьян, но сразу же обратил внимание на то, как он вошел и небрежно охватил обстановку в баре. Видимо, ключевые для нашей судьбы фигуры врезаются в нас в первые же мгновения, не важно, сколько людей вокруг и в каком ты состоянии. Так у меня было с тобой, точно так же у меня произошло и с Никитой.

Не знаю, почувствовал ли рок тогда он, но сел за стойкой рядом. Заказал не знаю что, пил молча, ни на кого не глядя. И мне стоило бы молчать, замкнувшись в себе, как это

обычно и бывало. Но алкоголь, ощущение знамения, бурлящее стремление измениться – ради тебя преуспеть, все эти компоненты вместе взятые развязали мой язык.

Какими точно словами, не помню, но я в лоб спросил, не интересуется ли новоприбывший картинами молодого художника. Он даже головой не повел в мою сторону. И стоило бы мне остановиться... Я был слишком пьян коктейлем из бури эмоций и алкоголя.

Я стал настаивать, оскорбляться и оскорблять, буянить. Не знаю почему он в ответ проявил такую реакцию, но это оказалась заинтересованность. Не картинами, разумеется – творчество продают не словами, Никита заинтересовался мной, должно быть от пресности и со скуки.

А я всё говорил и говорил – о несправедливом классовом разделении, о том, что творцы не должны голодать, в то время, когда такие как он – посредственные...

Да, я говорил и говорил. Я видеоизменял свои изначальные идеи, проецируя на него и выставляя его виновником. Мол, его смыслом жизни должна быть благодарность и содержание гениев. Я говорил очень много и глупо. И вдруг он спросил:

– А умереть ты не боишься?

– Умереть, – с презрением процедил я сквозь горячку, – зачем бояться смерти, если и так практически мертв?

Он молчал, блеском в глазах выдавая лукавую заинтересованность. Да он и не смог бы меня перебить.

– Что такое моя жизнь? Миллионы планов, которым не суждено реализоваться, – шпарил я: – отдать большую часть времени тем, кто мне дорог, написать что-то эдакое, посвятить себя творчеству и исследованию, за душой подтянуть тело – заняться спортом: сжечь жир вместе с ленью, научиться общаться с людьми и от процесса получать удовольствие. Один раз и навсегда полюбить людей, в конце-то концов! Как думаешь, что из перечисленного у меня есть?

Никита загнул брови.

– Ничего у меня нет – ни-че-го! Вместо того, чтобы быть с любимой, я сейчас в баре; вместо того, чтобы творить, я пьян; вместо гантель поднимаю бокалы; вместо общения – лента новостей. Буквально все мое существование – алкоголь и бездумное листание ленты. А, чтобы быть: надо пользоваться жизнью, а не интернетом.

Нет у меня ничего. Хотя подожди: есть скотское существование и нытьё! И лень правит балом. Пожалуй, дело даже не в лени, а в отсутствии сил, чтобы жить. Ты спросил, не боюсь ли я умереть? Зачем мне бояться смерти – если и так практически мертв!

...Тогда-то, моя любимая, я, в этой несвязной пьяной речи, впервые вслух предал свои идеалы, забыл, что я прислуживаю гениям, назвал свою цель бессмысленной. В этом я и раскаиваюсь перед тобой. Тогда-то, на борьбу с моей глупостью, вселенная и запустила противодействие в лице Никиты. Но до конца моего физического существования мне

оставалось отречься еще два раза...

– Пойдем, – сказал Никита без особых раздумий, – покажешь мне свои картины.

Он скупил все мои работы из мастерской, включая незавершенные – авансом. Даже не глядя, но я на это не обращал особого внимания, вскруженный эйфорией, что мои картины, наконец, оказались кому-то нужны. Я открывал полотна, озвучивал придуманную на ходу стоимость, Никита отсчитывал купюры. Словами не возможно передать, сколько счастья сконцентрировалось в том моменте. А потом я открыл пылившуюся бутылку коньяка и мы разговаривали до утра, вернее, Никита, не перебивая, наблюдал за извержением моих мыслей.

И на какое-то время всё успокоилось в моей жизни. Мы с тобой начали жить вместе, я стал много писать, считая свои картины востребованными, а, значит, не бездарными. Раз в неделю я встречался с Никитой – своим меценатом, другом, единомышленником. У меня появились деньги в достатке. Да, деньги, моя любимая, прекрасное обезболивающее для души. Но к сожалению, они только на время снимают симптомы.

Шло время, и я начал прозревать. Эйфория прошла, вновь наступило похмелье: кого я обманываю, нет ни капли таланта в моей писанине! А Никита... Что ему тогда нужно? Но не похоже, что он питает корыстные намерения. А что, если он в меня верит? Вот так вот ни с чего вдруг поверил в

меня – я же про него ничего не знаю, кроме того, что он безмерно богат. А что, если он когда-то выкарабкался из схожих с моими обстоятельств? И теперь в меня верит. Очень важно, чтобы в тебя кто-то верил.

Значит, на свете уже два человека, ради которых я должен измениться, преодолеть, превзойти самого себя. Я должен стать выдающимся.

Помнишь наш тогдашний разговор, любимая? Ты невольно стала моей Евой, предложившей запретный плод. И как прародительница, ты тоже была полностью нагой.

– О чем ты думаешь? – спросила ты тогда, заметив, что я сам не свой и мыслями нахожусь будто бы не с тобой, но при этом тебя изучаю.

– О портрете. – Признался я, опомнившись. – Почему я вижу этот свет каждый раз, смотря на тебя, думая о тебе, рисуя тебя, но никак не могу передать его на холсте? Что это говорит обо мне и моем искусстве? Ведь передать сходство может каждый, а захватить суть... Кажется, у меня этого никогда не получится. Зачем я бунтую против своей посредственности, почему не могу принять свою натуру?

– Не наговаривай на себя, – улыбнулась ты, – просто тебе не хватает терпения. Как интересно: упорства у тебя хоть отбавляй, а терпения не хватает.

Ты все улыбалась, и меня слепило тем, непередаваемым светом.

– Поверь в себя. Не сдавайся, и все у тебя получится. Я

в тебя верю.

Хоть ты и говорила шепотом, к которому хотелось прислушиваться и в который хотелось верить, я протестовал – слабо, конечно, и больше из-за того, чтобы ты не останавливалась подбадривать. На самом-то деле, я капитулировал почти что сразу, и уже не принимал за истину свои слова и идеи:

– Но мне же не было суждено родиться гением. Моя роль, восхищаться и преклоняться перед другими.

– Какими другими? Нет никого, лучше тебя. Ты мой самый-самый. Это я преклоняюсь перед тобой. Ты мой Бог, а я твоя рабыня.

И ты опустилась на колени. Что-то необъяснимое пронзило мою грудь обволакивающим теплом в тот момент. На глазах выступили слезы. Я упал на колени напротив тебя, я пытался сказать, но слова давались с трудом:

– Но как же тот свет...

– А ты попробуй изобразить не меня, а свет, который так ясно видишь – начни с него, и у тебя получится. Ты сможешь, я верю...

– Я смогу, – вторил я уверенным шепотом, – у меня получится! Спасибо тебе, любовь моя – я верю.

...Это и был второй раз, когда я вслух отрекся, о, моя любимая Вера. В этом я сейчас, перед тобой раскаиваюсь. Ведь после того, как я откажусь от своих идеалов третий раз – меня больше не станет в мире, в котором осталась ты...

Но тогда я этого не знал. Жажда жизни забурлила во мне. Второе, что я делал после пробуждения – брался за кисть (первым делом я вновь признавался тебе в любви, конечно же), а в обед ты приносила сэндвич и бутылку пива, и уговаривала пообедать хотя бы таким образом, а потом ты тихонько садилась рядом и наблюдала за мной до позднего вечера, пока не стемнеет, и я, в отсутствии солнечного света, не смогу больше работать. Тогда мы брались за руки и шли гулять – я переживал, что опять забыл смыть краску с рук и одежды, а ты, улыбаясь, говорила, что так лучше – пускай все видят, что я Настоящий художник.

Я был одержим страстью к жизни, тебе, творчеству. Я перестал походить на себя прежнего, и мои мысли потекли по новому.

По-прежнему раз в неделю я встречался с Никитой, но с ним, по непонятным мне тогда причинам, отношения как раз-таки начали ухудшаться. Я не рассказывал о тебе, моя любимая – моя муза, и, возможно, он начал думать, что причина моего душевного подъема – его деньги. А всё, что дают деньги, фальшиво. Может быть, думал я тогда, Никита расстраивается, что я пошел по ложному пути, на который, нечаянно, направил меня он. Но дело же не в деньгах! Мне и хотелось разубедить его, и почему-то было страшно раскрывать истинную причину, любимая. Почему-то интуиция подсказывала мне этого не делать, не говорить с ним о тебе. Если бы я тогда к ней прислушался.

Мы с Никитой сидели в том же баре, в котором встретились впервые – я пил пиво, он взял напиток покрепче, хотя, какое это имеет значение... Я делился своими планами, рассказывал, что почти разгадал загадку, что теперь уверен, что смогу написать нечто выдающееся, что я его не разочарую. Он в это время выглядел скучающим, а мне так хотелось подбодрить моего покровителя и друга:

– Вот увидишь, – говорил ему я, – портрет, над которым я сейчас работаю, ослепит тебя своим светом. Мне удалось поймать и передать на полотне то, что многие за целую жизнь не замечают. Как только закончу, я покажу тебе свою работу одному из первых, чтобы ты сразу же понял, что поверил в меня не напрасно!

– Поверил? – переспросил он и тут же, поморщившись, осекся, – одному из первых? Значит, не самому первому? Кто же тогда тот счастливчик?

Я немного замешкал, а затем посчитал, что проговорился не случайно – пришло время рассказать моему другу о тебе, поделиться с ним радостью.

– Ты верно подметил, что теперь в моей жизни есть некто «первый», только не «тот», а «та». И счастливчиком стал уже я. Ты не представляешь, насколько я теперь счастлив. Она... она полностью перевернула мою жизнь, она изменила меня, поверила, и передала мне свою веру. А что может быть важнее веры? Я больше не плутаю во тьме, а иду к свету, путь к которому она мне подсказала. И, какой бы сложной не бы-

ла дорога, я не отступлю, потому что не могу подвести ее. Я дойду! И ты тоже восхитишься результатом.

– Влюбился, значит... – Кратко подытожил Никита, но заинтересованность промелькнула в нем.

– И ты представить не можешь, как это прекрасно!

– Ты прав... – зловещая задумчивость изменила его лицо, – не могу представить. Но знаю способ, как прочувствовать то, что чувствуешь ты.

– Друг мой, как бы я хотел, чтобы действительно существовал такой способ! Поняв то, что теперь чувствую я – ты бы так же захотел изменить свою жизнь!

– А умереть ты не боишься? – Так же безэмоционально, как в нашу первую встречу, повторил он вопрос, после которого и завязалось наше знакомство.

– Умереть... – в этот раз я уже не спешил, и прежде чем ответить, задумался, – знаешь, пожалуй теперь я боюсь. Да, мне страшно лишиться жизни – но этот страх – небольшая плата за то, что я научился жить. Я только понял, что все имеет вкус, цвет, смысл, и естественно я боюсь это понимание потерять. Еще я очень боюсь оказаться в одиночестве, пускай даже абсолютно безмолвном, в котором не будет меня самого, но, соответственно, не будет и ее рядом. Конечно боюсь, ведь только что я преодолел, наконец понял, что жизнь многоуровневая – и перебрался на новый этап. Да, теперь, когда я понял, какая же это интересная игра, я боюсь в нее проиграть, не успеть, оборвать раньше времени. Теперь

я могу признаться, что заблуждался, считая, что надо играть отведенную роль. Цель каждого – вырваться из быта, вот в чем сверхзадача! Не восхищаться, а найти в себе то уникальное, что восхищает! Да, теперь я боюсь умереть, но, в то же время, я храбр, как никогда, чтобы жить! Да, теперь я боюсь смерти, потому что научился ценить жизнь!

– Понятно. Но мне пора, что-то я забыл о времени за болтовней.

И Никита резко ушел, оставив меня с осознанием, что я снова отрекся. В третий раз, моя любимая. Из-за сомнений, или ради нашей любви – сказать сложно. Но ты уже понимаешь, чем моя глупость закончилась...

А я, опьяненный любовью и верой, ничего не понимал, и продолжал переть против самой сути.

Подошло время сессии, и тебе на месяц надо было уехать. Прощаясь, ты поцеловала меня, провела ладонью по щеке и сказала, что чувствуешь, когда вернешься, портрет будет готов. «И это будет лучший портрет со времен Моны Лизы» – так же как Джоконда, загадочно улыбнувшись, добавила ты.

Я приступил к работе. Я больше не думал сделать что-то из ряда вон выдающееся, я просто писал красками так, как ты мне виделась. Месяц прошел для меня, как один день – даже не помню, пил ли я, ел, спал... Наконец, портрет был готов. В тот же час ты мне позвонила напомнить, что завтра вернешься. Конечно же я тебя встречу! Закончил ли я работу? На этот вопрос я ответил туманно: во-первых, же-

лая порадовать сюрпризом, во-вторых, терзаясь неуверенностью, нарисовал ли я что-то достойное.

Весь месяц я ни с кем не разговаривал и никого не видел – календарь указывал на пятницу, а значит, я мог увидаться с Никитой, и от него первого получить отзыв на свою работу. Встретиться мы договорились в том же баре.

Когда я пришел, Никита допивал уже не первый бокал – я сильно опоздал – долго мучился, пытаюсь прикрыть еще не высохший мольберт простыней так, чтобы не навредить портрету. В итоге, просто развернул его картиной к стене.

– Я опоздал, но ты меня простишь, когда увидишь причину!

Никита смотрел хмуро, будто только что оторвался от тяжелых мыслей. Мне спешилось вывести друга из его состояния и поделиться своей радостью:

– Картина, – говорил я, едва ли не задыхаясь от эмоций, – портрет. Моя главная работа готова. Ты должен увидеть!

– Закажи себе что-нибудь. – Отозвался он сухо.

Я заказал пива, к которому не притронулся – получается, я не успел промочить горло перед тем, как мне его перерезали...

– Извини, я как избалованный ребенок. Но я хочу показать тебе немедленно. Спешим в мастерскую.

– Сейчас-сейчас, – Никита подозрительно озирался по сторонам, – сейчас пойдем. Вот только знаешь что? Мне надо дождаться... партнера. Подписать там кое что. Иди-ка без

меня, тебе все равно будет скучно, а я догоню через какой часик.

Ничего не понимая, я безропотно подчинился – Никита всегда оказывал на меня властное влияние. Уже потом, после смерти, я узнал, что он подстроил наш разрозненный уход, чтобы снять с себя подозрения. И полицейским он позже скажет, что я подорвался, переживая за какую-то встречу. И бармен подтвердит, дескать да, был в тот вечер такой – нервный какой-то – забежал, и тут же умчался...

Взволнованный, я кругами истоптал свою малюсенькую мастерскую, наверное, тысячу раз. Наконец, в дверь постучали – я бросился открывать. На пороге стоял Никита, его дьявольское спокойствие было, как опрокинутый на меня ушат ледяной воды. Но ничего – сохранит ли он свое состояние, увидев портрет? Вот главный вопрос того момента. Осмелев, я схватил его за рукав и потащил к картине.

– Сейчас ты увидишь. Сейчас ты все поймешь. Ну, будешь ли ты таким хмурым? Только... Ай! Мне важно услышать твое честное мнение.

Перед картиной я остановился. Заячьей трусостью обволкло сердце – а вдруг он не поймет? Что если портрет, как и все мои работы до – посредственен. Была не была – едва не уронив, я развернул мольберт лицом к зрителю.

Никита застыл. С его лица будто смыло все, что читалось тем вечером. Никита смотрел на портрет, а я Смотрел на Никиту, в котором отражался тот свет, который мне все-таки

удалось запечатлеть!

– Так вот она какая... – едва слышным шепотом произнес он, не отрывая взгляд от картины.

Значит, попал! Пряча слезу ликования, я отвернулся к окну – мои руки тряслись, сердце бешено колотилось. Значит, я оправдал твою веру, любимая!

Естественно, я не мог видеть, как Никита в то время заставляет себя отовратиться от портрета, как смотрит на меня, как подходит к столу, как берет мастихин, как крадется...

Я только успел почувствовать, как он обхватывает мою голову, и первые из десятков ударов по горлу.

Тогда я ничего этого заметить не мог – детали всей сцены я увидел позже – в Храме Утех, о котором тебе, моя любимая, лучше не знать...

На этом я заканчиваю свою исповедь. Я раскаиваюсь в том, что хотел стать лучше, чем есть. И я понимаю, за что заплатился. Нельзя было поддаваться амбициям, нельзя было идти против своих идей... Пусть даже ради любви... О! Как же больно в этом признаться! Но у меня еще будет время, чтобы осознать полностью... Сколько времени? Не знаю, возможно – вечность...

Но нет, я не в аду. Я сейчас среди тех, кто знает и обмусоливает каждый эпизод каждого прошлого. Получается, сюда я, до встречи с тобой и стремился?

Но ты мне уже не ответишь. Ты ведь не слышишь меня, любимая? Моя Вера...

Я здесь, до конца своих дней без тебя. И так мне и надо – это моя кара за то, что отрекся от прежних Богов, за то, что их трижды предал.

3. Ее исповедь

Сегодня солнце ослепительно ярко, любимый. Именно в такие дни, а вовсе не в дождливые, как некоторые полагают, мне особенно больно. Наверное, потому что ты любил солнце, и в его лучах воспоминания о тебе становятся ярче и теплее...

Пусть это будет моей тебе исповедью. Ты боготворил меня, но даже не подозревал, что сам стал моим Богом: добрым, нежным, заботливым, и, самое главное, любящим.

Почему я это все не рассказывала, а теперь уже никогда не расскажу тебе настоящему, а говорю сейчас той частице тебя, что всегда во мне? Потому что мужчины не понимают самого главного, и мне страшно, что и ты бы не понял: то, что с телом, не важно, но моя душа принадлежала, и всегда будет принадлежать только тебе.

Ещё об этом невозможно говорить вслух, даже вспоминать очень страшно и стыдно, но ты подслушай, как я перебираю воспоминания.

Природа превратила меня из девочки в девушку слишком быстро, гораздо раньше, чем ровесниц. На первый взгляд, странно, наверное, но в этом причина, что в душе я до сих пор ребенок. Ведь мне хотелось игр и ребячества, а получала я злобную зависть девчонок и жадные взгляды парней постарше меня. Да, у меня уже был тот набор «женских преле-

стей» (до чего же мерзкие, пошлые словечки!), владеть которыми хотелось каждому парню, наравне с другими вашими взрослыми игрушками – автомобилями и оружием.

Первый интим у меня произошел даже не из-за любопытства, просто моему ухажеру так этого хотелось, и я легко пошла на уступок, чтобы не огорчать. К сексу я относилась несерьезно, как к какой-то глупой игре, в которую многие почему-то хотят со мной поиграть – я не понимала, что в этом такого сакрального, но мне нравилось наблюдать за переменной во взгляде парней когда они только хотели, когда получали, и после... Еще и мои «подруги» подначивали, брали на слабо, подстрекали – я думала, им тоже нравится эта игра, они же просто мечтали избавиться от конкурентки, заклеить меня шлюхой (тяжелое слово, которое невозможно произнести вслух, любимый). И я получила клеймо – по наивности, поверь мне, не потому что я искала для себя удовольствие – мне не хотелось обделять тех, кто так этого просил...

И началась жизнь изгоем. И тогда я очутилась на краю пропасти, в которую, сильно не раздумывая, в отчаяние бросилась – на самое дно. Люди злые – и никто из жалости, либо сострадания меня принимать не хотел, все боялись замараться, навредить своей репутации. А мне было страшно, я не такая, каким был ты, любимый, я очень боюсь одиночества. Но нашлись и те, и их было не мало, которые хотели воспользоваться моим положением и мной, соответственно.

Да, им был нужен секс – и я им его давала, полностью удовлетворяла запросы, понимая, что больше не играю, а расплачиваюсь телом за то, чтобы не остаться совсем одной.

Посчитав, что разгадала натуру людей, я начала их презирать, ненавидеть, бояться. Мне хотелось бросить им вызов, и я не нашла ничего лучше, как брать с них деньги – я начала обменивать себя на банкноты, и запустила это колесо с безумной скоростью, чтобы мой самый страшный демон, мое одиночество – не смог меня нагнать...

Думаю, остаткам души оставалось гореть уже не долго в том пламени, которым я слепила себя, когда ты подошел ко мне и сказал свое первое нескладное:

– Привет, я Савел, а как тебя зовут?

И я, хотя была не в настроение, ответила – потому что я сразу заметила тебя в толпе, потому что ты казался каким-то другим. Мы говорили, и чем дальше, тем больше я убеждалась в твоей уникальности: тебе не было нужно то, чего хотели другие – ты искал родственную душу. Тебя занимала не плоть, ты желал, чтобы тебя поняли.

Но твои идеи вызывали во мне протест – как это так, твоя цель прислуживать другим, при этом подчеркивая свою изменчивость? Поверь мне, любимый, ты сильно заблуждался. Ты был лучше многих, и уже в нашу первую встречу мне хотелось это доказать. Так возник наш первый спор, в котором каждый остался при своем – но я поняла, что моя миссия – следовать за тобой, разубедить тебя, возвысить.

И начался наш совместный поход. Ты учил, что есть люди, не такие как мы – талантливые и гениальные, я верила, что ты один из них, и пыталась передать эту веру тебе.

Мы оба начали меняться в лучшую сторону. Ты стал верить в себя, я в тебя и в остальных людей. Я перестала быть изгоем, оттаяла под теплом твоей любви...

Да, я сейчас плачу. Захлебываюсь слезами и никто меня не сможет утешить. Как так? Почему ты покинул меня навсегда, любимый? Помнишь, как хорошо нам было вместе? Ты жил для того, чтобы работать, я, по твоим заветам – прислуживать тебе, ведь ты был моим Гением.

А помнишь одну из наших последних ночей вместе? Ты как обычно, закончил работать с закатом, и мы пошли гулять. Кеды бесшумно касались брусчатки пустынного Старого города. Руки сплелись, и по их венам в едином ритме пульсировала кровь, которую разгоняли в унисон бьющиеся сердца. Мы ни о чем не говорили, ты обычно был молчалив, а я наблюдала, как парит твоя мысль – я ее будто бы видела перед собой, и она оставляла в воздухе цветные следы – цвета тех красок, которыми ты работал в мастерской. Это были необычайно красивые узоры, и я знаю, ты на самом деле разукрашивал мою жизнь своими красками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.